

Онлайн-беседа: «Святой праведный воин», посвящённая Ф.Ф.Ушакову.

Непобедимый адмирал Российского Флота Федор Ушаков (1745 -1817). (276 лет со дня рождения). Деятельность Федора Федоровича Ушакова оставила глубокий след в развитии морского могущества нашего государства. Его воинский путь и морские победы навек вписаны в скрижали Российской истории, а преданность вере, службе и Отечеству – пример для многих поколений русских воинов. Вся стратегия и тактика гениального флотоводца были подчинены лишь одной цели – уничтожению врага. Он никогда не пренебрегал осторожностью и вместе с тем никогда не страшился вступать в битву с более сильным противником. Главным же фактором побед Федор Федорович всегда считал мужество и стойкость своих матросов. Он неустанно заботился о личном составе эскадр, продуманная система воспитания и гуманное отношение к простому моряку во многом роднили его с Суворовым, высоко ценившим именно моральные качества русских людей. Адмирал часто повторял своим офицерам: «Помните непреложное правило – командующий над кораблем почитается отцом всего экипажа».

Фёдор Фёдорович Ушаков родился 13 (24) февраля 1745 года в селе Бурнаково, Романовского уезда, Ярославской губернии. Его отец, Ф.И.Ушаков, принадлежал к небогатым помещикам. В шестнадцать лет Фёдор Фёдорович был принят в Морской

шляхетский (иными словами дворянский) кадетский корпус. После его окончания в 1766 году Ушаков получил чин мичмана, как и остальные выпускники и был направлен на службу на Балтийский флот, на корвет «Нарген». Ф.Ф. Ушаков за годы своей службы сделал 53 компании: до производства в офицеры- одну, будучи офицером- шесть, сам командовал кораблями и эскадрами в 46 компаниях. Ушаков был в походах на Балтийском, Северном, Азовском, Чёрном и Средиземном морях, плавал в Атлантическом океане. «Безумно храбрый, обладатель благороднейшего сердца, грубоватый в обращении» -так о нем отзывались соотечественники. Если каждая морская компания длилась не менее шести месяцев, то несложно подсчитать, что прославленный адмирал более четверти века провел на корабле. Это был настоящий рекорд, который за все годы существования Российского флота не удалось превзойти никому из российских адмиралов. Никто не мог сравниться с ним и по числу одержанных побед в морских битвах. Российский флотоводец является основателем, маневренной тактики парусного флота. На второй год русско-турецкой войны, недалеко от дельты Дуная в районе острова Фидониси, произошло первое в истории Черноморского Флота генеральное сражение с мощной, казавшейся неодолимой турецкой эскадрой. Был приказ: Где увидите флот турецкий, атакуйте его во что бы это не стало. Хотя бы всем погибнуть, но должны показать свою неустрашимость к нападению и истреблению противника. Но артиллерийской дуэлью турок трудно сломить, их больше, у них мощные орудия. И вот тогда-то наступил звездный час 44 летнего командующего авангардом русской эскадры, уроженца Ярославской губернии, волжанина Федора Ушакова.

Он нарушил традиционную тактику линейного боя, поймав ветер вывел корабли авангардного строя, перерезал ими путь турецкому флагману и поставив его между двух огней заставил с потерями удалиться. Следом, кто как мог бежали все корабли противника. Это была первая победа будущего великого адмирала российского флота. Адмирал Ушаков был морским деятелем, принесшим славу молодому тогда Черноморскому флоту. Турки с почтением называли его «Ушак-паша». В 1787 году

война началась. Сражения при Фидониси, где отличился Ушаков, турки проиграли. Из Херсона, первой базы на Черном море, командующий всеми делами на юге России, Григорий Александрович Потемкин, сообщает императрице Екатерине II: "Благодаря Богу и флот, и флотилия наша сильнее турецкого, есть во флоте севастопольском, контр-адмирал Ушаков, отлично знающ, предприимчив и охотник службе, он будет мой помощник."

И вскоре, теперь уже как контр-адмирал, командующий севастопольской эскадрой Ушаков без устали стал готовиться к будущим сражениям. Крепкая морская закалка, слаженность команды, меткая стрельба артиллерии в крутых маневрах и качки, от этого во многом зависел успех тактики, которую он намерен использовать в боях, а они не заставили себя долго ждать. Ранним июльским утром 1790 года, стоя у Керченского пролива, Ушаков получил от сигнальщиков сообщение, что на горизонте появилось и идет в нашу сторону турецкая эскадра. Известно было, что неприятель планирует высадить в Крыму большой десант. Вот когда пригодилась матросам выучка. Быстро став под паруса, встретили противника выстроившись под линию баталии, а дальше в бою произошло нечто необычное. Ушаков дал команду нескольким фрегатам выйти из линии и поспешить к авангарду. Дождавшись их подхода, корабли авангарда атаковали турецкий флагман преграждая ему путь, осыпая градом ядер. К концу дня, не выдержав такого плотного огня, турки дрогнули, сначала их флагман, а затем и остальные корабли, которые уцелели обратились в бегство. Это поражение лишило турецкое командование возможности направить корабли с моря в дельту Дуная и помочь своей самой крупной крепости Измаил, осажденной русскими войсками. Через три месяца после сражения у Тендры, войска под началом Александра Суворова, штурмом эту крепость взяли. Однако нужна была еще одна яркая победа на море, дабы Турция пошла на переговоры о мире. И на следующий год Ушаков это осуществил. В последний день июля, противника обнаружили у западного побережья моря в бухте за мысом Клякой, у турок был праздник, корабли стояли на якоре. Пока

собирали команды, ставили паруса, произошло то, чего турецкие капитаны даже представить себе не могли. При попутном ветре эскадра Ушакова буквально понеслась на неприятеля. Впервые в истории морских сражений Ушаков приблизившись к противнику, направил свои корабли в атаку не со стороны моря, а сзади стоящей эскадры, вдоль берега, не обращая внимания на огонь береговых батарей, не боясь ни столкновений, ни подводных мелей, обстреливая не готовые к бою турецкие корабли.

Этим потрясающим маневром Ушаков добился многого. В смятении, в спешке, отстреливаясь турецкие корабли не редко попадали в друг друга, сталкиваясь, когда наконец вырвались в открытое море и попытались организовать сопротивление, уже были не в состоянии что-либо сделать. Близкий бой навязанный Ушаковым лишал их преимущества артиллерии. Турецкий флот разбросало по морю. В донесении Потемкину, Ушаков писал: Наш флот всю линию совсем окружил их и производил с такой отличной живостью огонь, что повреждения многих мачтах, реях и парусах принудив укрываться многие корабли за другого.

Флот неприятельский при начале темноты был совершенно уже разбит до крайности, лежал стесненною кучею под ветер обратившись к нам кормами, а наш флот гнал его непрерывным огнем. На следующий день, между Россией и Турцией были подписаны

предварительные условия соглашения о мире. После окончания войны, Ушаков снова в Севастополе. Он и Суворов, с которым поддерживал искренние отношения, не мало сделали для становления Севастополя, теперь главной базы Черноморского Флота.

Пройдет несколько лет и им обоим еще придется многое сделать во славу России. В 1796 году на Российский престол вступил император Павел I. В то время революционная Франция «обратилась к завоеванию и порабощению соседних держав». Вице-адмирал Ушаков получил приказ привести в боевую готовность Черноморский флот, а в начале августа 1798 года — высочайшее повеление «тотчас следовать и содействовать с турецким флотом противу зловердных намерений Франции». Взяв курс на Константинополь, российская эскадра скоро приблизилась к Босфору. Командующим объединенными силами был назначен вице-адмирал Ушаков. Удача не покинула Ушакова и в Средиземноморье. В течение короткого времени русские силы совместно с турецким флотом освободили Ионические острова от французского присутствия. В ходе действий проявились не только полководческие способности вице-адмирала, но и дипломатический талант. Например, неприступную крепость Корфу помогли взять главнокомандующему местные жители, к которым он обратился накануне приступа. В 1799 флотилия успешно занимала города на итальянском побережье, в то время как Суворов одерживал блестящие победы на суше. Благодаря Суворову и Ушакову авторитет российских военных сил взлетел на недосягаемую высоту. В 1799 Федору Федоровичу, наконец, было присвоено звание адмирала. Однако уже в 1800 русские корабли были отозваны в Севастополь, в связи с ухудшением отношений между союзниками, адмирал Федор Ушаков получил приказ императора Павла I о возвращении вверенной ему эскадры в Севастополь. С приходом к власти Александра I значение флота упало, так как новый император не считал его значимым для страны в данный период.

В 1806 году Ушаков был отозван со службы и его знания, опыт и способности перестали использоваться. Федор Федорович достойно принял этот факт. В 1804 году Федор Федорович составил подробнейшую записку о своем служении Российскому флоту, в которой как бы подытоживал свою деятельность: "Благодарение Богу, при всех означенных боях с неприятелем и во всю бытность одного флота под моим начальством на море, сохранением Всевысочайшей благодати ни одно судно из одного не потеряно и пленными ни один человек из наших служителей неприятелю не достался..." В 1807 году Федор Федорович Ушаков по высочайшему повелению был уволен в отставку с мундиром и пенсионом полного жалования. Краткий пенсионный аттестат адмирала, собственноручно написанный императором Александром I, начинался словами: «победителю всех неприятелей России на морях, графу Федору Федоровичу Ушакову». После отставки, забытый царским двором, великосветским обществом, морским начальством, Федор Федорович прожил 10 лет в своем родовом имении в Тамбовской губернии. Вдали от моря и столичной суеты, заканчивал жизнь величайший флотоводец России. 2 октября 1817 года Ф.Ф. Ушаков скончался в своем поместье в Тамбовской губернии. Похоронили флотоводца у стен Санаксарского монастыря. Спустя десятилетия историки вернули его легендарное имя людям и российскому флоту. В 2004 году, решением Архиерейского собора православной церкви, праведный воин Федор был причислен к лику общецерковных святых. Адмирал вошел в историю как опытный и решительный флотоводец, способный организовать боевую подготовку моряков и вдохновить их на подвиги. Сражения, которые проходили под командованием флагмана, неизменно завершались победами, хотя, как правило, численное превосходство было на стороне противника. В честь флотоводца, учреждены ордена и медаль Ушакова. Ныне ими награждают моряков, проявивших умение и отвагу при защите Родины. Медаль и ордена I и II степени имени Ф.Ф. Ушакова.

Литература:

Сахаров, А. Н. Подвижники России: [исторические очерки] / А. Н. Сахаров, В. Д. Назаров, А. Н. Боханов. - 2-е изд. - Москва: Русское слово, 2002. - 493 с., а-1.

В книгу «Подвижники России», написанную им в соавторстве с Владиславом Дмитриевичем Назаровым и Александром Николаевичем Бохановым вошло 30 исторических очерков, каждый из которых создает портрет человека, оказавшего влияние на ход отечественной истории, чей труд, вера, самоотверженность и подвиг вели за собой Россию к иной жизни, большим свершениям. Каждая из представленных исторических фигур, а среди них: святые Борис и Глеб, Владимир Мономах и Сергей Радонежский, Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский, Афанасий Никитин и Федор Ушаков и другие, стала, по мнению авторов, не только определенным символом эпохи. Они сумели совершить высочайший личный подвиг на ниве служения любимому Отечеству. Жизнь каждого из них драматична и противоречива, но всех их отличает верность раз и навсегда избранным нравственным ценностям.

Ганичев, В. Н. Ушаков / В. А. Ганичев. - Москва: Молодая гвардия, 1990. - 463 с., хл-1 Книга рассказывает о жизни и замечательной деятельности выдающегося русского флотоводца, адмирала Российского флота Федора Федоровича Ушакова – основоположника маневренной тактики парусного флота, сторонника суворовских принципов обучения и воспитания военных моряков. Его воинский путь и морские победы навек вписаны в скрижали Российской истории, а преданность вере, службе и Отечеству – пример для многих поколений русских воинов. Основана на редких архивных материалах.

Тарле, Е. В. Избранные сочинения: В 4 т. Т. 4: Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг; Адмирал Ушаков на Средиземном море; Экспедиция адмирала Сенявина в Средиземное море; Павел Степанович Нахимов / Е. В. Тарле. - Ростов-на-Дону : Феникс, 1994. - 511 с., чзо-1 Тарле Е. В.

Адмирал Ушаков на Средиземном море (1798—1800). Исторический интерес, который представляет Средиземноморская экспедиция Ушакова, конечно, гораздо значительнее, чем интерес чисто биографический. В высшей степени важную роль сыграло это второе (после Чесмы) появление русских военно-морских сил на Средиземном море, причем действовал на этот раз уже не Балтийский, а совсем юный Черноморский флот.

Великие русские полководцы / авт.-сост. Вера Надеждина. - Минск: Харвест, 2008. - 447 с., чзо-1 Наша армия и военно-морской флот прошли долгий и сложный исторический путь. Многие полководцы и флотоводцы России прославили свои имена, удивив мир своими победами. О наиболее выдающихся из них пойдет речь на страницах книги. Перед вами предстает вереница имен защитников Отчизны, навечно оставшихся в памяти благодарных потомков, начиная от Александра Невского до бесстрашных адмиралов и генералов Великой Отечественной войны, которые вели за собой миллионы российских солдат, матросов и офицеров, спасая мир от фашистской чумы в 1941–1945 годах.

Ознакомиться с жизнью и деятельностью прославленного адмирала Российского флота Федора Ушакова вы также можете, обратившись к периодическими изданиям:

Емельянов, Ю. Н. (доктор исторических наук). Средиземноморская экспедиция Ф. Ф. Ушакова [Текст] / Ю. Н. Емельянов // Свободная мысль. - 2011. - N 6 (1625). - С. 181-192.

Ломтев, А. Великий праведник [Текст] / А. Ломтев // Чудеса и приключения. - 2014. - № 10. - С. 44-47.

Овчинников, В. Д. (капитан 1 ранга). Духовно-нравственное наследие адмирала Ф. Ф. Ушакова / В. Д. Овчинников // Военно-исторический журнал. - 2009. - N 3. - С. 43-45.

Овчинников, В. Д. (капитан 1 ранга). "Наши, благодаря Богу, такого перцу туркам задали, что любо": 220 лет славным победам контр-адмирала Ф. Ф. Ушакова на Черном море / В. Д. Овчинников // Военно-исторический журнал. - 2010. - N 7. - С. 3-9.

Овчинников, В. (капитан 1 ранга, кандидат исторических наук). Ионическая эпопея адмирала Ушакова / В. Овчинников // Родина. - 2010. - N 7. - С. 105-109.

Овчинников, В. (капитан 1 ранга; кандидат исторических наук). Ионическая эпопея адмирала Ушакова: штурм Корфу / В. Овчинников // Родина. - 2010. - N 8. - С. 58-61.

Экштут, С. (д-р филос. наук). Великий морской предводитель: путеводная звезда адмирала Ушакова / С. Экштут. // Родина. - 2010. - N 2. - С. 87-92.

Подготовила онлайн-беседу зав. библиотекой Коптева Н.А. 20.02.2021 г.

Сацкий А. Г. Фёдор Фёдорович Ушаков // Вопросы истории. — 2002 — № 3. — С. 51—78.

Ни один из российских адмиралов не удостоился столь широкой известности и внимания историков, как Федор Федорович Ушаков. Его жизнь и боевая служба оказались теснейшим образом связаны с важнейшими политическими событиями в жизни России конца XVIII века: русско-турецкими войнами, созданием Черноморского Флота, освобождением захваченных наполеоновской Францией Ионических островов. Флотоводец, не проигравший ни одного сражения, умелый организатор флотской службы, новатор тактики морских битв, Ушаков, оказавшись в период Ионической кампании в центре сложнейшего переплетения европейской политики, поднялся до уровня государственного политического деятеля, показав себя истинным патриотом России. Жизненный путь Ушакова (1744-1817) интересен уже тем, что в эпоху всеобщего протекционизма он достиг вершины своих успехов только упорным трудом, личным мужеством, флотоводческим талантом, беззаветным служением Родине.

Ушаков не оставил после себя ни мемуаров, ни дневников, ни записок. Не имел он и родовитых приятелей, в чьих семейных архивах могли бы сохраниться его письма или другие документы личного характера. Однако адмирал оставил обширную служебную переписку: рапорты вышестоящему начальству, приказы по эскадре, распоряжения подчиненным и т. п. И нам остается судить о жизни и личности этого знаменитого флотоводца и человека преимущественно по сухим казенным бумагам.

В один из последних дней мая 1766 г. к борту пинка "Наргин", стоявшего на кронштадтском рейде в ожидании попутного ветра, подошла шлюпка, доставившая нескольких воспитанников Морского кадетского корпуса. Одним из них был 22-летний Федор Ушаков. В списке из 58 выпускников корпуса 1766 г., произведенных в мичманы указом Адмиралтейств-коллегии, его фамилия стояла четвертой. Место в списке зависело от успехов в учебе и определяло очередность при производстве в следующий чин и назначении на должность¹.

Путь пинка, на который свежеиспеченные мичманы были определены вахтенными офицерами, лежал в Архангельск, куда следовало доставить различные материалы и припасы для строящихся там кораблей. В полдень 29 мая "Наргин" снялся с якоря. Погода не благоприятствовала плаванию: только 12 августа судно вошло в Северную Двину. Приближающаяся осень с тяжелыми штормами не позволяла надеяться на успешное обратное плавание, и "Наргин" остался в Архангельске. Судно разоружили, а команда сошла на берег и поселилась на частных квартирах в Соломбале. После весеннего ледохода началась подготовка к обратному плаванию. Пинк загрузили алебастром, смолой, негодным железом и старой парусиной. На борт приняли пятимесячный запас провианта; убрали в трюм якоря, канаты, закрыли и законопатили пушечные порты, забили люки. Наконец, 19 июня "Наргин" поставил паруса и лег курсом на горло Белого моря. Рейс проходил при слабых, но попутных ветрах. На несколько дней пинк задержался у Копенгагена: возили с берега шлюпками питьевую воду в бочках. У борта кружили лодки с торговцами: кто имел деньги, покупали сахар, бамбуковые трости, хлопчатые платки и чулки - все это в Петербурге стоило втрое дороже.

Пока "Наргин" находился в плавании, Адмиралтейская коллегия перевела Ушакова в числе десяти мичманов выпуска 1766 г. из корабельного в гребной флот, где ощущался некомплект офицеров. Эта мера носила формальный характер и не означала, что переведенные офицеры в дальнейшем будут служить только на судах галерного флота. Действительно, кампанию 1768 г. Ушаков провел на линейном корабле "Три иерарха", которым командовал С. К. Грейг. Служба, хотя и короткая, в качестве помощника вахтенного офицера на одном из лучших кораблей флота под началом такого опытного и знающего моряка, как Грейг, явилась хорошей школой для молодого офицера.

И все же перевод в галерный флот сыграл важную роль в жизни Ушакова. Осенью 1768 г. началась давно назревавшая война с Турцией. Для содействия сухопутным войскам в проведении операций в прибрежной зоне Азовского моря правительство решило создать флотилию парусно-гребных судов. Их постройку предполагалось произвести на старых донских верфях. Поскольку типы судов, задачи и район их действия соответствовали специфике гребного флота, то и для укомплектования Донской флотилии коллегия решила использовать в первую очередь личный состав галерного флота. Получил приказ явиться в формируемую для отправки на Дон команду и Ушаков. В середине января 1769 г., получив в подчинение, как и другие младшие офицеры, группу нижних чинов, он на ямских подводах отправился через Москву в Воронеж².

Прибывающие на Дон команды тут же приступали к исправлению и достройке пяти прамов - плавучих батарей, стоявших на берегу в Павловске еще с русско-турецкой войны 1735-1739 годов. Работы велись день и ночь, чтобы успеть спустить их на воду и сплавить с весенним половодьем к Азову. Первый из прамов пошел вниз по реке 8 мая, второй - на следующий день, 15 мая - третий. Следующие два, на одном из которых находился Ушаков, отправились в путь 17 мая. Двухдневная задержка оказалась для них роковой: уровень воды стремительно падал, и к 5 июля оба прамы окончательно застряли среди мелей, не пройдя и 90 верст от Павловска. К концу лета 1769 г. выяснилось, что трех прамов, сумевших дойти до Азова, достаточно для защиты устья Дона. Командующей флотилией контр-адмирал А. Н. Сенявин приказал отвести, при первой возможности, застрявшие прамы в Новопавловск и там их оставить.

Тем временем в Петербурге и Кронштадте шла энергичная подготовка к походу первой из отправляемых в Средиземное море балтийских эскадр. Екатерина II подписала указ с распоряжением "сделать скорее производство, дабы перемещая офицеров не было бы остановки адмиралу Спиридову". Коллегия, "разсмотрев ведомости и послужные списки с аттестатами" срочно провела производство группы офицеров в следующие чины. В этих ведомостях значился и мичман Ушаков, один из немногих выпускников корпуса 1766 г., произведенный 30 июля в лейтенанты³.

Зимовавшие на Дону прамы "Троил" и "Гектор", - последним командовал Ушаков, - в середине июня 1769 г. добрались до Новопавловска. Сдав судно в порту, Ушаков с большей частью команды прибыл осенью в Таганрог. Прошла еще одна зима. С приближением весны приступили к комплектованию команд для первых двух строящихся в Новохоперске 32-пушечных фрегатов. По мере готовности, партии служителей с офицерами отправлялись на верфь, чтобы успеть сплавить фрегаты с большой водой к устью Дона. С верфи, собственно, отправлялись недостроенные пустые корпуса, что делалось для уменьшения их осадки, в сопровождении каравана барж, лодок и других мелких грузовых судов, везших лес, железо и другие необходимые для достройки фрегатов в Таганроге материалы. Ушаков со своей партией добрался пешим ходом до Новохоперска в три недели. Матросов определили на фрегаты, а Ушакову поручили доставку из Новопавловска на транспортных судах фрегатских канатов и такелажа. Из-за низкого уровня воды растянувшийся по реке караван не успел в летнюю навигацию 1771 г. дойти до Ростова и застрял на зимовку. Льды повредили обшивку некоторых судов, и они начали тонуть. Ушаков отправил их грузы на наемных подводках. Оценивая усилия, предпринятые для своевременной доставки грузов, вице-президент Адмиралтейств-коллегии И. Г. Чернышев писал в марте 1772 г. капитану над Таганрогским портом: "За всем тем коллегия за доброе ваше распоряжение в доставлении тех припасов, как и лейтенанту Ушакову за усердие и исправность, изъявляет свое удовольствие и представляет иметь себе в памяти"⁴.

В кампанию 1772 г. Ушаков получил в командование свое первое, хотя и небольшое, но настоящее военное судно - палубный бот "Курьер". В сентябре он отправился из Таганрога к крейсирующему у южных берегов Крыма отряду судов Азовской флотилии. По возвращении отряда в середине октября в Керчь, бот был поставлен на стражу у входа в Керченский пролив. Почти всю следующую кампанию 1773 г. Ушаков продолжал командовать "Курьером". В течение лета бот плавал в Таганрог, Феодосию, крейсировал у южного берега Крымского полуострова. В конце сентября бот пришел к Балаклаву, где находилась часть Азовской флотилии, в том числе и три корабля "новоизобретенного" типа. Два из них имели такие течи, что стояли, опершись киями на отмель, третий - "Модон" - находился в лучшем состоянии, хотя также требовал серьезного ремонта. Чтобы экипажи этих судов "не оставались в праздности" Сенявин решил отправить их в Таганрог, исправив для этого "Модон". Зная усердие и исполнительность Ушакова, Сенявин назначил его командиром "Модона"⁵. Дважды корабль пытался выйти в море, но оба раза Ушаков вынужден был возвращаться в гавань: первый раз - из-за крепких встречных ветров, второй - по причине сильной течи корпуса. В результате, "Модон" остался на зимовку в Балаклаве.

1774 год принес обострение военной обстановки в Крыму. Высадившийся турецкий десант при поддержке местных татар, вероятно, захватил бы Балаклаву, если бы не решающие успехи русских войск на Дунае, приведшие к заключению 10 июля мира с Османской Портой. Война была закончена. Многие офицеры и служители флотилии оказались не у дел. Ушаков не был включен в список "Азовской флотилии штаб- и обер-офицеров" на 1775 г. и подлежал к отправке в Петербург. Служба на Балтике в "регулярном" флоте на крупных кораблях являлась более престижной и давала больше шансов на продвижение по служебной лестнице. Так что перевод Ушакова можно расценить как своеобразное поощрение за его более чем шестилетнюю добросовестную и инициативную службу. Подобным образом можно было бы расценить и факт производства Ф.Ушакова в августе 1775 г. в капитан-лейтенанты. Но, скорее всего, это следует считать нормой, поскольку он отслужил в лейтенантском чине более пяти лет.

Кючук-Кайнарджийский мирный договор принес России право иметь военный флот на Черном море⁶. Однако в начале 1776 г. в правительственных кругах еще только обсуждался вопрос о выборе места для создания верфи под постройку кораблей для будущего черноморского флота. Поэтому было решено попытаться провести в Черное море несколько балтийских фрегатов под видом купеческих судов. На трех фрегатах оставили только по восемь пушек, остальные опустили в трюм и зарыли в песок.

Орудийные порты забили и закрасили, численность экипажей сократили вдвое, приведя их в норму, принятую для торговых судов. Уменьшенный соответственно запас продовольствия, воды, дров, амуниции позволил принять на борт товары традиционного российского экспорта - кожи, железо, воск, парусные полотна и лен. Флагманом отряда назначили командира эскадрного фрегата "Северный Орел" Т. Г. Козлянинова. Команды подбирались с особым тщанием: третью часть экипажей составляли матросы, служившие в прошедшую войну на российских эскадрах в Средиземном море. Офицеры отбирались из добровольцев, также служивших в последнюю войну в Архипелаге и знавших иностранные языки. В Ливорно к отряду Козлянинова должны были присоединиться еще два небольших фрегата - "Св. Павел" и "Констанция", оставшиеся там после ухода российского флота из Средиземного моря. Эти суда имели малочисленные экипажи, состоявшие преимущественно из греков-волонтеров российской службы. Присутствие греков, в основном подданных Порты, могло вызвать нежелательные осложнения при переговорах с Турцией о пропуске фрегатов в Черное море. Поэтому решено было укомплектовать экипажи ливорнских фрегатов русскими матросами и офицерами. 3 июня, когда суда уже стояли на кронштадском рейде, коллегия постановила: "По некоторым обстоятельствам на отправляющихся в дальний вояж 4 фрегатах командировать еще капитан-лейтенанта Федора Ушакова"⁷, который должен был принять в командование один из ливорнских фрегатов.

Плавание отряда фрегатов с пятидневной остановкой в Копенгагене и двухнедельной стоянкой у острова Минорка получилось довольно длительным - только 10 сентября 1776 г. суда пришли в Ливорно. Здесь Ушаков получил ордер Козлянинова о назначении его командиром "Св. Павла". Вскоре новый командир с экипажем перебрались на свой фрегат и сразу же приступили к работам по приданию ему облика транспортного судна. К середине ноября фрегат был загружен и готов к выходу в море. В трюме "Св. Павла", кроме тщательно спрятанных пушек, находилось 20 тыс. штук жженого кирпича, 40 бочек серы, свинец в слитках, бочонки с дробью.

Тяжелые зимние штормы задержали отряд в пути - лишь в середине января 1777 г. фрегаты достигли острова Тенедос у входа в Дарданеллы. Здесь Козлянинова дождалась депеша от российского посланника в Порте А. С. Стахиева с уведомлением о согласии турецких властей "купецкие фрегаты в Константинополь пропустить". Дальше коммерческие фрегаты пошли сами: "Северный Орел", будучи под военным флагом, не имел права входить в проливы.

По приходу на константинопольский рейд на суда явились турецкие таможенные чиновники. Длинными железными прутами они пронзали песчаный балласт в поисках спрятанных там пушек. Но, "хотя действительно по звуку удара железа о железо, могли оные ощупать, однако ж звук подаренного им золота заглушил сей звук железа и принудил написать, что ничего не нашли"⁸. Пребывание российских судов в столице еще недавно враждебной страны проходило, в общем, без осложнений, если не считать ходившие поначалу слухи о намерении турок захватить российские суда и побег матросов. Не обошла эта неприятность и "Св. Павла", с которого после постановки его к причалу пропали три человека. Из посольства сообщили, что матросы приняли магометанство и передали на судно свое обмундирование, возвращенное турками.

В конце марта "Св. Павел", закончив разгрузку, перешел на рейд. Началось долгое и неопределенное ожидание результатов переговоров Стахиева о пропуске пяти фрегатов в Черное море. Турки еще задолго до прихода российских судов были осведомлены об их истинной миссии. Более полугода провели фрегаты в Константинополе, но разрешения на проход через Босфор так и не получили. В конце сентября 1777 г. пришел рескрипт Екатерины II о возвращении эскадры на Балтику.

Фрегаты собрались у острова Тенедос, где готовились к обратному плаванью. Из трюмов поднимали пушки, устанавливали их на свои места.

Пустые орудийные палубы принимали привычный военному глазу вид. В конце декабря эскадра покинула Архипелаг, направляясь в Ливорно, где ее должны были ожидать дальнейшие инструкции. Однако там их не было, и Козлянинов решил ждать их до конца марта, занимаясь тем временем ремонтом своих судов.

Между тем, возникли непредвиденные обстоятельства, приведшие, в общем, к годичной задержке эскадры в средиземноморских водах. Во время визита вежливости к тосканскому герцогу Леопольду Козлянинов познакомился с марокканским посланником. Последнего сопровождала свита и около сотни освобожденных из итальянского плена марокканцев, которых следовало доставить на родину. Леопольд уговорил Козлянинова "подбросить" марокканцев по пути на Балтику в Танжер. Разместив нежданных пассажиров на двух уже отремонтированных фрегатах, командующий отправил их вперед, приказав капитанам после высадки гостей ожидать его в Гибралтаре. Не дождавшись в оговоренный срок Козлянинова, задержанного исправлением судов, фрегаты вернулись в Ливорно, разминувшись в пути с основным отрядом. Когда эскадра собралась, наконец, в Гибралтаре, кончилось лето. Из-за спешки в ремонте фрегаты снова стали течь, и военный совет капитанов постановил вернуться в Ливорно. Окончательно эскадра оставила этот гостеприимный порт только в середине марта 1779 г., чтобы 13 мая, спустя почти три года после ухода, вновь бросить якорь у бастионов Кронштадта².

Офицеров, вернувшихся из длительного плавания, коллегия для смены рода их деятельности и отдыха от монотонности корабельной службы зачастую использовала при выполнении береговых поручений. В соответствии с этой практикой, в конце зимы 1780 г. Ушаков был направлен руководить проводкой в Петербург зазимовавшего в Твери каравана из 34 барок с корабельным лесом. Прибыв на место, Ушаков первым делом распорядился "для сохранения казенного интереса" опорожнить семь барок, догрузив остальные суда. Подрядчики, терявшие на каждой барке по 30 руб., протестовали против действий Ушакова и задерживали отход каравана. Времени же терять было нельзя ни дня: даже при самых благоприятных обстоятельствах барки, вышедшие из Вышнего Волочка ранней весной, прибывали в Петербург лишь в конце лета¹⁰. А ведь от Твери, где находился караван, до Волочка следовало пройти еще 177 верст на конной тяге. Для скорейшей отправки каравана Ушакову пришлось самому нанимать за казенный счет лоцманов, коноводов с лошадьми. Не зная, как выйти из конфликта с подрядчиками, требовавшими оплату в соответствии с контрактом за все 34 барки, Ушаков обратился в коллегия за инструкциями. Видимо, на этот раз служебное рвение Ушакова оказалось чрезмерным, поскольку коллегия определила: "Расчет произвести по договору за 34 барки, о чем Ушакову послать указ".

По прибытии в Петербург этой крупной партии леса коллегия назначила ревизию скопившейся на адмиралтейских складах древесины, организовав для этого комиссию. Среди прочих в ее состав включили однокашника Ушакова П. И. Шишкина. Срок работы комиссии назначался в полтора месяца, в связи с чем коллегия распорядилась: "А как капитан-лейтенант Шишкин находится на придворных яхтах, то на его место определить флота капитан-лейтенанта Федора Ушакова". 12 августа Ушаков принял от Шишкина стоявшие у набережной Зимнего дворца суда придворной флотилии. Императрица и двор находились в Царском Селе, и флотилия стояла без дела. С приближением осени надобность в яхтах и вовсе отпала. В сентябре Ушаков получил приказ перейти в распоряжение коллегии, которая предписала: "Яхты ввести в галерную гавань и разоружить, и как командиров, так и протчих офицеров и нижних чинов служителей определить в прежние команды". Исполнительный и добросовестный офицер Ушаков и за этот короткий срок успел проявить себя с лучшей стороны, заслужив письменную "похвалу" генерал-адъютанта князя А. М. Голицына за то, что "отправлял положенную на него должность со всею исправностью и подчиненных держал в дисциплине".

По сдаче придворных судов, коллегия наметила отправить Ушакова, как это часто практиковалось, своим представителем на заготовку корабельного леса в одну из внутренних губерний. Узнав о

намерении коллегии, Ушаков обратился непосредственно к графу И. Г. Чернышеву с просьбой об отмене его посылки и назначении на корабль. В ответном письме от 11 ноября 1780 г. вице-президент писал Ушакову: "Коллегия, найдя просьбу вашу справедливою, сделать так и определила"¹¹.

В феврале 1781 г. Адмиралтейств-коллегия получила высочайший указ о подготовке эскадры из пяти линейных кораблей и двух фрегатов "к охране торгового плавания"¹². Командир одного из назначенных в поход кораблей, 66-пушечного "Виктора", обратился в коллегия с просьбой освободить его по болезни от посылки в плавание. Командиром "Виктора" коллегия назначила Ушакова. Факт весьма любопытный, поскольку командирами линейных кораблей в зависимости от их величины назначались, как правило, капитаны 1-го и 2-го рангов. Хотя Ушаков в это время и стоял первым в списке капитан-лейтенантов флота, и, следовательно, в соответствии с действующей системой чинопроизводства, должен был быть первым из капитан-лейтенантов произведен в капитаны 2-го ранга, его назначение можно расценить как поощрение со стороны коллегии. 11 мая Ушаков официально принял корабль от его прежнего командира и окунулся с головой в круговорот дел по подготовке судна к походу.

Эскадра направлялась в Средиземное море. Флагманом являлся контрадмирал Я. Ф. Сухотин, знавший Ушакова еще по совместной службе в Азовской флотилии. 25 мая корабли снялись с якоря. Это плавание оказалось самым тягостным в жизни Ушакова. Теснота и скученность людей на корабле, отсутствие свежей зелени, которой суда не успели запастись из-за раннего ухода в море, почти сразу же дали себя знать "гнилой горячкой" и цингой. Первая смерть на "Викторе" последовала уже на подходе к Копенгагену. Затем едва ли не ежедневно корабельный священник читал заубойную молитву над зашитым в старую парусину и с ядром в ногах очередным умершим. После Гибралтара умер судовой лекарь К. Миленберн: болезни усилились еще больше. Наконец, 15 августа, с больными на две трети экипажами, корабли стали на рейде Ливорно. За 12 недель плавания на "Викторе" скончалось 47 человек, что составило более трети потерь в людях по всей эскадре¹³. С разрешения и с помощью местных властей на берегу оборудовали временный лазарет, куда свезли с судов большую часть больных.

Несмотря на принятые меры, на начало сентября в лазарете еще находилось до 800 человек. "По сей причине, - сообщал Сухотин в Петербург, - и не имею надежд, чтоб мог от Ливорны отправиться"¹⁴. Ушакову предстояло провести в этом порту уже третью зиму. Прибывший из Петербурга курьер доставил указ коллегии об очередном производстве в чины. Как и можно было ожидать, первым в списке капитан-лейтенантов, произведенных в капитаны 2-го ранга, значилось имя Ушакова. Для него чин "флота капитана" значил очень много, так как, кроме качественного перехода из обер- в штаб-офицеры, обеспечивал существенную прибавку к жалованью с увеличением всех сопутствующих доплат, что для человека, живущего, практически, на казенном иждивении, являлось немаловажным.

В обратный путь эскадра вышла в середине апреля 1782 г., но из-за ветров и сильного волнения почти все корабли, в том числе и "Виктор", получили значительные повреждения. Плавание стало опасным и эскадра возвратилась в Ливорно. Вторично корабли вышли в море в начале мая. На этот раз переход прошел вполне благополучно. Наконец, после годичного отсутствия, моряки услышали гром пушечных выстрелов кронштадтских фортов, салютовавших эскадре Сухотина. Корабли ввели в гавань - им требовался серьезный ремонт; офицеры, имевшие жилье в Кронштадте, перебрались на берег, многие уехали в "домовые отпуска". Но для Ушакова кампания не завершилась.

Походы русских эскадр с длительными стоянками в южных портах выявили дотоле почти не известное отечественным мореплавателям зло - морского червя-древоточца. В иностранных флотах для защиты подводной части корпусов от разрушающего действия древоточца применяли обшивку из медных листов. Стоимость меди была высокой, и коллегия решила попытаться использовать для

этой цели "белый металл", бывший, по ее мнению, "столь же способным, но дешевле". Для сравнения качества медной и "белометаллической" обшивок коллегия выделила два небольших однотипных фрегата - "Св. Марк" и "Проворный". Результатам испытаний придавалось большое значение, и коллегия с особым тщанием подбирала офицеров для назначения командирами опытовых судов. Ими стали Ушаков и капитан-лейтенант К. Обольянинов. Короткий рейс на "Проворном" оказался последним плаванием Ушакова как моряка-балтийца.

Включение Крымского ханства в состав Российской империи изменило геополитическую ситуацию в Черноморском регионе. Князь Г. А. Потемкин, осуществивший эту акцию, сознавая, что при первом же удобном случае Турция попытается вернуть Крым, наметил ряд организационных мер по усилению обороноспособности южных границ. Исключительно важная роль при этом отводилась флоту, которого Россия на Черном море, практически, не имела. По требованию Потемкина Екатерина II распорядилась командировать на юг морских служителей для комплектования экипажей семи линейных кораблей, заложенных в Херсонском адмиралтействе. Коллегия 13 июня 1783 г. получила предписание генерал-адмирала цесаревича Павла Петровича срочно отобрать требуемое число людей. Спустя две недели Екатерина писала Потемкину: "К вооружению морскому люди отправлены и отправляются, и надеюсь, что выбор людей также недурен - самому генерал-адмиралу поручен был"¹⁵. На Черное море было командировано 3880 нижних чинов и 132 офицера, в том числе два капитана 1-го и пять 2-го рангов, одним из которых являлся Ушаков. Опытный, с высоким чувством долга морской офицер, имевший за плечами несколько лет службы в Азовской флотилии, не привязанный к месту прежней службы личными интересами, не обремененный семьей, хозяйством и т. п., он был весьма подходящей кандидатурой для откомандирования на юг.

Находившийся в стадии организационного становления Черноморский флот открывал широкие возможности для быстрого служебного роста, в чем коллегия и обещала содействовать в качестве компенсации за тяготы жизни в далеком, необустроенном крае. Что касается Ушакова, то уже спустя полгода по прибытии в Херсон он по представлению коллегии производится указом от 1 января 1784 г. в капитаны 1-го ранга, пробыв в предыдущем чине всего два года. Важную роль в этом сыграл вице-президент коллегии граф Чернышев, даривший Ушакова дружеским расположением. Именно Ушакова граф личным письмом просил съездить в одно из его имений в Новороссии, чтобы выяснить там положение дел.

В Херсоне Ушаков был назначен командиром одного из стоявших на стапелях 66-пушечных кораблей, находившегося в начальной стадии постройки. Прибывшая из Петербурга команда должна была участвовать в сооружении своего судна наравне с адмиралтейскими мастеровыми. Однако, вскоре работы пришлось прекратить из-за вспышки чумы, завезенной из Турции. По приказу командующего флотом вице-адмирала Ф. А. Клокачева морские команды вывели из города в степь, изолировав друг от друга. Ушаков предпринял все возможные меры для борьбы с болезнью в своей команде, а главное, жестко следил за их неукоснительным исполнением. В результате, в его экипаже число умерших оказалось наименьшим, а в начале ноября эпидемия прекратилась. Чума нанесла жестокий урон - потери умершими только по морскому ведомству составили 1598 человек. В октябре скончался и Клокачев.

Новым командующим Черноморским флотом стал вице-адмирал Сухотин, с которым судьба уже в третий раз свела Ушакова и который был весьма расположен к нему. По приезде Сухотина в Херсон Ушаков был назначен командиром линейного корабля N 1 - будущего "Св. Павла", имевшего наибольшую степень готовности из всех стоявших на стапелях 66-пушечных кораблей. В начале октября стапельные работы на "Св. Павле" практически завершились; спуск состоялся 12 числа "по полудни в 3 часа в присутствии всех знатных особ обою пола и не малого числа зрителей".

При большой занятости в течение лета 1784 г. на "Св. Павле", Ушаков нашел время и для своих личных дел. В июле он подал по команде челобитную на высочайшее имя с просьбой о награждении

его орденом св. Владимира за заслуги в борьбе с чумой. Его успешная самоотверженная деятельность в полной мере соответствовала статусу ордена и подтверждалась рядом официальных документов, вплоть до именного благодарственного указа Адмиралтейств-коллегий от 3 мая 1784 года. Челобитная с сопроводительным ходатайством Сухотина, написанным в самых хвалебных выражениях, была направлена Чернышеву, поскольку, как писал Сухотин, "всевысочайшее благоволение, а особливо для его господина Ушакова, состоят из единого вашего милостивый государь предстательства". Бумаги по каким-то причинам не успели попасть в капитул ордена до 22 сентября, когда в день учреждения ордена Екатерина подписывала указы о награждениях. Ушаков получил орден св. Владимира 4-ой степени только через год, в 1785 году. Это дало ему право подписывать бумаги словами "капитан флота и кавалер".

В зимние месяцы 1784-1785 гг. на вмерзшем в лед "Св. Павле" велись достроечные работы. В первые дни мая корабль провели, воспользовавшись высокой водой, через днепровское устьевое мелководье. Проводкой руководили капитан над Херсонским портом А. П. Муромцов и Ушаков. Почти два месяца корабль находился в Днепровском лимане у Глубокой Пристани: ставили мачты, тянули такелаж, вязали паруса. Затем "Св. Павел" перевели к Кинбурну, где производилась окончательная загрузка кораблей перед выходом в море и устанавливалась артиллерия. Наконец все работы были завершены, и Ушаков подписал адмиралтейский акт о приемке корабля. Переход в Севастополь Ушаков, в соответствии с приказом Сухотина, использовал "к обучению морской практике" команды, в значительной мере состоявшей из рекрутов - вчерашних крестьян. Сообщая Чернышеву о благополучном прибытии 28 августа нового корабля в Севастополь, Сухотин не преминул высказать лестную оценку деятельности его командира: "Могу вашей светлости об оном господине Ушакове свидетельствовать всегдашнюю его исправность, попечение, а при сем случае он особливо доказал оные"¹⁶.

Август 1785 г. стал знаменательным для Черноморского ведомства радикальными переменами в системе его управления и подчиненности. Высочайшим рескриптом Черноморский флот и вся его инфраструктура были изъяты из ведения Адмиралтейской коллегии и переданы под начальство Г. А. Потемкина. Руководящим органом становилось Черноморское адмиралтейское правление во главе со старшим членом правления и подчиняющееся непосредственно Потемкину. "Чистосердечно вашей светлости признаюсь, сие... отделение от адмиралтейств-коллегий здешнего места собственно для меня, да и для всех служащих во флоте весьма сожалительно", - с горечью писал Сухотин Чернышеву¹⁷. Ушакова с полным основанием можно отнести к категории лиц, для которых отделение от коллегии было "весьма сожалительно": он терял своего высокого покровителя Чернышева; возвращался на Балтику Сухотин, закончивший к середине ноября передачу дел старшему члену Черноморского правления капитану 1-го ранга П. С. Мордвинову. Теперь судьба и служебная карьера Ушакова зависели от его непосредственного начальника, командира флотской дивизии недоброжелательного М. И. Войновича, малознакомого Мордвинова, недосягаемого Потемкина.

Однако служба оставалась службой, и главной проблемой Ушакова по прибытии в Севастополь являлось обеспечение благополучной зимовки своему кораблю и команде на базе флота, которой еще фактически не существовало. В первую очередь для разгрузки корабля стали своими силами строить причал. "Он, Ушаков, сам за мастера, офицеры за урядников, унтер-офицеры всех званий и рядовые употреблялись в работе: кто с носилками, другие камень носят и землю, колья бьют, фашинником застилают, а он сам из своих рук бьет палкою, кричит ревучи, как бешенный", - писал в своих воспоминаниях матрос со "Св. Павла"¹⁸. С приходом холодов в пушечные порты вставили рамы со стеклами, в командирской каюте сложили камелек, и, прорубив палубу, вывели наружу трубу. В продолжение зимы матросы и канониры занимались ломкой камня-ракушечника, заготавливая его для строительства казармы, работали в местном адмиралтействе.

Весной, одновременно с сооружением служебных построек, Ушаков приступил к строительству собственного дома. Так поступали многие офицеры, поскольку свободного жилья в Севастополе не

имелось. Дома строились из ракушечника, покрывались черепицей, лес покупали в Херсоне. Однако при всей дешевизне материалов и даровой рабочей силе - матросов и корабельных мастеровых, строительство требовало денег. Судя по тому, что Ушаков заложил большой дом, они у него имелись.

Если сведения, что за отцом будущего адмирала числилось 19 душ крестьян мужского пола, верны, то при наличии в семье еще трех братьев - Ивана, Степана, Гаврилы - материальная поддержка с этой стороны не могла быть существенной. Главным, а на первых порах и единственным, источником благосостояния Ушакова являлось жалование и соответствующие ему доплаты. Многомесячные заграничные плавания, когда доплаты к жалованью были наибольшими, могли при разумной экономии позволить составить весомую сумму. Ушакову служба обеспечивала не только проживание, но и некоторый избыток средств, которые он использовал для покупки земли и крестьян. Служа на Балтике, он стремился делать эти приобретения в местах, близких к Петербургу или своему родовому имению. Достоверно известно, что во второй половине 1780-х годов Ушаков владел землей в родовом сельце Бурнаково Романовского уезда Ярославской губ., имел землю с крестьянами в деревне Анциферовой Вытегорского уезда Олонецкой губ. и участок земли в том же уезде, купленный им у помещицы А. И. Наумовой. Поместья были небольшими, и надзор за ними осуществлял наездами брат Ушакова Иван Федорович. Ощутимых доходов они не приносили, доставляя только хлопоты и беспокойства своему владельцу. Обосновавшись основательно и, видимо, надолго в Севастополе, Ушаков решил избавиться от вытегорских поместий, поручив брату продать их за "свободную цену". С этим эпизодом его жизни связано любопытное письмо, в какой-то мере характеризующее Ушакова как помещика. "Уведомился я, - обращается он к брату, - что находящийся в деревне Анциферовской крестьянин мой Никита со своим братом и по ныне ослушны моим приказаниям, оброку мне во все времена не плотят, и когда за ним к оным приезжают, из домов своих они убегают, и во всем делают великие бездельства, наглости и ослушание; к отвращению таковых их незаконных беспокойств прошу вас съездить туда, взять оных ослушников под караул, и обоих отдать в рекруты".

Весной 1787 г. состоялось путешествие Екатерины II в Новороссию. Находясь в Херсоне, она в ознаменование успехов в создании Черноморского флота подписала 16 мая указ о внеочередном производстве многих офицеров флота: капитаны 1-го ранга Н. С. Мордвинов и М. И. Войнович были пожалованы в контр-адмиралы, П. Алексиано и Ф. Ф. Ушаков - в капитаны бригадирского ранга. Торжества продолжались в Севастополе. Три дня старшие морские офицеры находились в обществе императрицы:

были жалованы к руке, благодарили за производство, обедали и ужинали за одним столом с Екатериной. В понедельник 24 мая Черноморский флот под грохот артиллерийского салюта прощался с императрицей. И никто не предполагал, что спустя три месяца эти же орудия будут заряжены уже не холостыми, а боевыми зарядами.

В Херсон сообщение о выступлении Турции против России поступило 20 августа. Мордвинов, не зная планов Потемкина относительно флота, отправил Войновичу предписание выйти в море с эскадрой и держаться пока у Севастополя. Когда стало известно, что армейское командование не намечает в ближайшее время активных действий против Очакова, Мордвинов решил, "что флот должен действовать сам собою". Контр-адмирал отправил Войновичу приказ "учинить нападение на Варну и истребив флот там стоящий, идти к Очакову"¹⁹.

Севастопольская эскадра в составе трех 66-пушечных кораблей, двух новых 54-пушечных и пяти азовских 40-пушечных фрегатов вышла в море 31 августа. На подходе к Варне эскадру застиг затяжной шторм, нанесший урон, какого флот не получил за всю последующую войну: фрегат "Крым" пропал без вести, полузатопленную 66-пушечную "Марию Магдалину" занесло к Босфору, где ее захватили турки. Из всех судов только фрегат "Легкий" сохранил все мачты. Досталось и "Св.

Павлу": сначала переломилась передняя фок-мачта, затем упала задняя бизань-мачта, последней рухнула, переломившись у самой палубы, грот-мачта. Корабль занесло к кавказскому побережью. С большим трудом удалось установить на остатке фок-мачты импровизированный парус и повернуть к крымскому берегу. "Ушаков сказал: "Дети мои! Лучше будем в море погибать, нежели у варвара быть в руках", - вспоминал матрос Полномочный²⁰.

Зима и весна 1788 г. прошли в заботах по ремонту кораблей Севастопольской эскадры. Вся тяжесть борьбы с турецким флотом легла на лиманскую парусно-гребную флотилию. Поначалу она находилась в непосредственном подчинении Н. С. Мордвинова. Ордером от 17 октября 1787 г. Потемкин приказал последнему возвратиться в Херсон и заняться исправлением флота, одновременно предписав Войновичу командировать на лиман вместо Мордвинова бригадира П. Алексиано. Но поскольку последний оказался "одержим болезнью", Войнович вместо него отправил командовать флотилией Ушакова. На лиман тот прибыл в последних числах октября, когда боевые действия флотилии практически прекратились, и главной проблемой являлось обеспечение безопасной зимовки ее судов. После разоружения судов флотилии у Ушакова особых дел на лимане не стало, и Мордвинов ордером от 18 января 1788 г. отправил его обратно в Севастополь, где шел ремонт его "Св. Павла" и других судов. Потемкин, узнав об этом самоуправстве Мордвинова, разгневался, однако Ушакова обратно отзывать не стал.

Севастопольская эскадра вышла в море 18 июля 1788 г. с целью отвлечения турецкого флота от осажденного русскими войсками Очакова. Эскадре, состоявшей из двух 66-пушечных кораблей, двух 54-пушечных и восьми 40-пушечных фрегатов противостоял флот, в котором только линейных кораблей насчитывалось 16, в том числе пять 80-пушечных. Авангардом русской эскадры командовал Ушаков. Зная нерешительность Войновича, он накануне добился его разрешения "в потребных случаях командуя судами следовать движению передовой эскадры (то есть авангарда. - А. С.)"²¹. Это позволяло Ушакову в случае необходимости взять в свои руки маневрирование боевым ордером. Ушаков с нетерпением ожидал этого первого в его жизни настоящего морского сражения. "Я с моей стороны чувствовал великое удовольствие, - писал он позже в рапорте, - ...ибо весьма выгодно практикованным подражать регулярным образом против неискства".

Сражение произошло 3 июля неподалеку от острова Фидониси. Тактическое мастерство Ушакова, решительные действия авангарда, высокая выучка экипажей решили успех боя. Турецкий флот, несколько кораблей которого получили серьезные повреждения, покинул место сражения, отойдя к устью Дуная. Войнович, не зная намерений противника и опасаясь нападения капитан-паши на таврические берега, отвел эскадру к Евпатории. Тем временем командиры составляли донесения о действиях своих кораблей в прошедшем сражении. Представил свой рапорт Войновичу и Ушаков, описав храбрые действия судов авангарда, на которые пришелся основной удар неприятельского флота. Здесь же он просил о награждении своих офицеров и нижних чинов, которым он для поднятия боевого духа "обещал ...в случае совершенной победы исходатайствовать награждение монаршей милости". Войнович же в своем рапорте принизил значимость действий ушаковского авангарда, никак не выделил решающую роль своего младшего флагмана в успехе сражения, отметив только его мужественное поведение наряду с прочими командирами кораблей.

В один из последующих дней, когда эскадра медленно двигалась вдоль западного побережья Крыма, в капитанской каюте Ушакова собрались командиры четырех фрегатов и капитан-лейтенанты из команды "Св. Павла" Ф. В. Шишмарев и И. И. Лавров. Обсуждая за столом перепетии недавнего боя, офицеры, не очень стесняясь в выражениях, вспоминали нерешительное, почти паническое поведение своего командующего. Хотя все, казалось бы, были свои, кто-то донес контр-адмиралу о нелицеприятных отзывах о нем его подкомандных, и в первую очередь Ушакова. Войнович написал резкое письмо Ушакову. "Поступок заш весьма дурен, и сожалею, что в такую расстройку (то есть в боевой обстановке.- А. С.) к службе вредительное в команде наносите, - писал контр-адмирал. Сие мне несносно и начальствовать над такими; решился, сделав точное описание к его светлости (то

есть Потемкину. - А. С.), просить увольнения". Ушаков, в свою очередь, подал жалобу на Войновича, обвинив того в замалчивании его заслуг, предвзятости и зависти к его успехам. При этом Ушаков так же, как Войнович, просил светлейшего исхлопотать ему увольнение от службы: "Ничего на свете столь усердно не желаю, как остаток отягащенной всегдашними болезнями моей жизни провести в покое"²². К письму Ушаков приложил копии рапортов, поданных им командующему после сражения. Потемкин не стал вдаваться в нюансы конфликта флагманов эскадры. Главным являлось то, что слабый русский флот устоял в сражении с несравненно более сильным противником. Конечно, на фоне впечатляющих побед лиманской флотилии, результаты боя при Фидониси выглядели весьма скромно. Награды получили только М. И. Войнович - орден св. Георгия 3-ей степени, и Ушаков - Георгия 4-ой степени.

В эту кампанию эскадра еще дважды выходила в море для отвлечения турецкого флота от Очакова. И оба раза Войнович выводил корабли только после неоднократных понуканий Потемкина. В конце года произошли изменения в командном составе Черноморского ведомства. В декабре подал в отставку Мордвинов, обвиненный Потемкиным в развале работы адмиралтейского правления и его служб. На его место светлейший определил Войновича, оставив формально под его командованием и севастопольскую эскадру. Войнович, сославшись на необходимость постоянного присутствия в Херсоне, препоручил эскадру следующему по старшинству флагману Ушакову, по представлению Потемкина произведенному указом от 14 апреля 1789 г. в контр-адмиралы.

К началу кампании 1789 г. Черноморский флот был значительно усилен. Зимой удалось перевести из лимана в Севастополь 66-пушечный корабль "Св. Владимир". Эту рискованную и сложную операцию выполнил по поручению Потемкина капитан-лейтенант Д. Н. Сенявин, бывший прежде флаг-офицером при Войновиче и уехавший из Севастополя вместе с ним. Кроме того, в июле под Очаковым, взятом штурмом русскими войсками в декабре 1788 г., находился в готовности к выходу в море отряд из четырех кораблей: 80-пушечного "Иосифа II", 60-пушечного "Марии Магдалины" и 50-пушечных "Св. Александра" и трофейного турецкого "Леонтия". Севастопольская же эскадра была готова к выходу в море уже 19 июня. Ушакову, которому при решении даже самых незначительных вопросов по эскадре приходилось обращаться в Херсон к Войновичу, подготовка кораблей стоила большого труда и огромного напряжения.

Время шло, а русские корабли стояли в бездействии. Неприятель также не проявлял активности. Потемкин, занятый военными действиями в Молдавии, казалось, забыл о флоте. Только в конце августа флоту была поставлена задача способствовать армии во взятии крепости Гаджибей. Эскадра Ушакова должна была отвести турецкий флот от крепости в открытое море; лиманскому же отряду Войновича предписывалось оказать поддержку с моря войскам при штурме Гаджибея, затем соединиться с севастопольской эскадрой. Крепость была взята армейскими частями 14 сентября несмотря на сильное противодействие артиллерии турецких кораблей. Ни Ушаков, пришедший к Гаджибею только 22 сентября, ни Войнович, вынужденный укрыться от шторма за островом Березань, порученные им задачи не выполнили, вызвав этим резкое неудовольствие Потемкина. Лиманский отряд прибыл в Севастополь в конце сентября, где соединился с эскадрой, которая за несколько дней до этого пополнилась двумя новыми 46-пушечными фрегатами, пришедшими из Таганрога. Светлейший предписал флоту немедленно идти на поиск турецкой эскадры. На рассвете 8 октября Войнович со всем флотом вышел в море, и до начала ноября крейсировал у западного побережья, но так и не встретил турецкую эскадру. Так закончилась кампания 1789 г., в течение которой корабельный флот не сделал ни единого выстрела по неприятелю. Главным виновником бездействия флота Потемкин посчитал его командующего.

22 ноября Войнович получил ордер Потемкина с предписанием о скорейшем отправлении Ушакова в ставку светлейшего. Уже на следующий день Ушаков, получив подорожную на восемь лошадей и 300 руб. на прогоны до Ясс и обратно, выехал из Севастополя. В ставке Ушаков находился почти четыре месяца. Результатом неоднократных личных встреч и бесед с Потемкиным о флотских и

адмиралтейских делах стали радикальные перемены в начальствующем составе Черноморского ведомства. Светлейший решил формально лично возглавить Черноморский флот, отправив Войновича командовать морскими силами на Каспийское море. Орденом от 14 марта 1790 г. Ушакову было "препоручено начальство флота по военному употреблению"; обязанности старшего члена адмиралтейского правления возлагались на главного строителя флота обер-интенданта С. И. Афанасьева, генерал-майор И. М. де-Рибас определялся командующим гребным флотом. Ушаков получил разрешение самостоятельно назначать командиров кораблей "смотря не на одно старшинство, но и на способность".

Возвращаясь в конце марта из Ясс, Ушаков задержался на несколько дней в Херсоне для согласования с адмиралтейским правлением вопросов по снабжению флота к предстоящей кампании амуницией, продовольствием, ремонтными материалами. Прибыв в Севастополь, Ушаков в первую очередь занялся подготовкой эскадры из семи фрегатов, отобранных для набеговой операции на порты азиатского побережья Турции, план которой был составлен во время его пребывания в Яссах.

Утром 16 мая Ушаков, подняв контр-адмиральский флаг на бизань-мачте "Св. Александра Невского", вывел эскадру в море и лег курсом на Синоп. Поход к "анадольским и абазинским берегам" оказался, в общем, удачным, хотя и не столь успешным, как предполагалось. Ограниченный указанием Потемкина беречь суда для будущих больших дел, Ушаков не рискнул вступить в противоборство с береговыми батареями, прикрывавшими стоящие под берегом два фрегата в Синопе и линейный корабль в Анапе. Основным результатом похода стал захват или уничтожение полутора десятка транспортных судов противника. 5 июня эскадра бросила якоря на севастопольском рейде. "Я только весело время проводил в походе, - писал Ушаков, сожалея о завершении операции, - а возвратясь сюда, принужден опять заняться за скучные письменные дела"²³.

Турецкий флот появился в виду мыса Херсонес, держа курс в сторону Анапы, в конце июня. Капитаны кораблей тут же получили приказ приготовиться к выходу в море; 2 июля флот двинулся вслед за турками. Встреча с неприятелем произошла 8 июля 1790 г. напротив входа в Керченский пролив. Турки подходили со стороны Анапы с попутным для них восточным ветром. Русский флот лежал в боевой линии, ожидая нападения. В полдень началось сражение: против пяти линейных кораблей, трех 50-, двух 46- и шести 40-пушечных фрегатов русского флота капитан-паша направил 10 линейных кораблей и 8 фрегатов. Турки атаковали голову русской колонны, из-за чего большая часть судов - центр и арьергард - оказались в бездействии. Ушаков поднял сигнал с приказом 40-пушечным фрегатам покинуть линию, а оставшимся судам, имевшим крупнокалиберную артиллерию, подтянуться к авангарду. Сменивший вскоре в пользу русских направление ветер существенно улучшил их положение. Жестокий непрерывный бой продолжался до 5 час. пополудни, когда турецкий флот сумел вырваться из-под губительного огня русских пушек. Поставив все паруса, турки стали отходить к югу. Ушаков бросился вдогонку, стараясь не упустить "уже бывшую почти в руках наших знатную добычу". Но за ночь капитан-паша сумел оторваться от преследователей. Ушаков, потеряв противника, отошел к Феодосии для неотложного устранения повреждений. Отсюда он отправил Потемкину реляцию о победе и сбитый с одного из турецких линейных кораблей флаг.

Вернувшись с флотом 12 июля в Севастополь, Ушаков занялся ремонтом и подготовкой судов к повторному выходу в море. Екатерина II в ответном на сообщение Потемкина о победе Черноморского флота послании писала: "Контр-адмиралу Ушакову великое спасибо прошу от меня сказать и всем его подчиненным". Наградой Ушакову за сражение стал орден Св. Владимира 2-ой степени.

Турецкий флот вновь показался у таврических берегов в начале августа, затем его видели у Гаджибея. Ушаков вышел в море 25 августа, имея сведения, что неприятельский флот стоит на якорях между островом Тендра и Гаджибеем. Утром 28 августа с кораблей русской эскадры,

находившейся у Тендры, увидели неприятеля: 14 линейных кораблей, восемь фрегатов и более двух десятков мелких судов, свернув паруса, покачивались на якорях. Дул свежий юго-восточный ветер, создавая едва ли не идеальные условия для нападения. На русских судах поставили все паруса. Турки, заметив приближение идущего в трех колоннах русского флота, стали спешно сниматься с якорей и в беспорядке отходить, ложась на единственно возможный для них курс, к устью Дуная. Капитан-паша, ушедший с несколькими кораблями вперед, не желал, видимо, принимать бой, но, увидев, что русские вот-вот отрежут отставшую часть его флота, вынужден был повернуть обратно, на ходу выстраивая из ближайших кораблей линию баталии. Ушаков, в свою очередь, четким маневром свел свои три колонны также в линию и дал сигнал к атаке.

В три часа началось сражение. Турецкие корабли, не выдерживая огня русских пушек с близкой дистанции, стали отступать. Натиск кораблей Ушакова тут же усилился, они "с отличной неустрашимостью спускались беспрестанно весьма близко на передовую часть отборных неприятельских кораблей, где и все флагманские корабли их находились, теснили оных и, поражая, наносили великий вред, и тем принудили всю оную передовую часть неприятельского флота поворотить через фордевинд и бежать к стороне Дуная". Русские корабли преследовали неприятеля пока ночная темнота не скрыла беспорядочно бегущий турецкий флот. На флагманском "Рождестве Христовом" был поднят сигнал с приказом всем судам собраться и стать на якорь. Поменявший направление ветер не позволил многим турецким судам уйти за ночь далеко от места сражения. Рассвет следующего дня застал их в зоне видимости русской эскадры, которая, вступив под паруса, пустилась вдогонку. Вскоре был отрезан 66-пушечный турецкий корабль, сдавшийся без боя. Затем наступила очередь 74-пушечного вице-адмиральского корабля "Капитания", отставшего из-за полученных накануне повреждений более других. Несколько русских кораблей, проходя мимо, обрушивали на него всю мощь бортовых залпов. Когда "Рождество Христово", находясь в какой-то полусотне метров от горящего, без единой мачты турецкого корабля, готовился дать последний, смертельный залп, тот сдался. Однако было поздно. Едва первая из подошедших русских шлюпок успела забрать адмирала, капитана и других офицеров, "Капитания" взлетела на воздух, унеся в пучину моря восемь сотен жизней и казну турецкого флота.

Черноморский флот одержал впечатляющую победу малой кровью: число убитых составило 21, раненых - 25 человек. В последний день августа флот в полном составе, включая захваченный турецкий корабль, на корме которого развивалось огромное полотнище андреевского флага, стал на якорь в виду Гаджибея, ожидая приезда Потемкина. Утром следующего дня над морем прокатились раскаты орудийного салюта: флот 13-тью выстрелами с каждого корабля приветствовал прибытие высокого гостя. Светлейший пробыл на борту "Рождества Христова", где собрались командиры всех судов, более трех часов. Под грохот пушечных залпов и крики "ура" расставленных по реям и вантам матросов звучали здравицы в честь Екатерины и Потемкина, Ушакова и его боевых капитанов. А в это время курьеры мчались во все стороны, неся весть о второй за лето внушительной победе Черноморского флота. Заслуга Ушакова в этом была несомненной. Потемкин писал в Николаев своему сподвижнику М. Л. Фалееву: "Наши благодаря богу такого перцу туркам задали, что любо. Спасибо Федору Федоровичу! Коли бы трус Войнович был, то он бы с...л у Тарханова Кута, либо в гавани"²⁴. Отвечая светлейшему, Фалеев в свою очередь отмечал: "Я много слышал хорошего о неустрашимости духа Федора Федоровича. Спасибо ему, и дай бог, чтоб он и всегда таков был и преуспевал!".

Указом от 16 сентября 1790 г. Екатерина II наградила Ушакова по просьбе Потемкина орденом св. Георгия 2-го класса и пожаловала ему деревни и 500 душ мужского пола в Могилевской губернии. Вторая степень военного ордена являлась очень почетной наградой, которая жаловалась военачальникам более высоких, чем контр-адмирал, рангов. Екатерина, упоминая в частном письме о награждении Ушакова, писала, что "это будет первый в чине генерал-майора, награжденный Георгием этой степени". Орден Георгия 2-ой степени обеспечивал Ушакова пожизненной ежегодной пенсией в 400 рублей.

От Гаджибея Ушаков вернулся в Севастополь для ремонта кораблей. Следующей задачей, поставленной Потемкиным перед флотом, являлось прикрытие перехода гребной флотилии к устью Дуная, а затем поиск неприятельской эскадры для окончательного ее разгрома. Суда гребной флотилии, вооруженные крупнокалиберными орудиями, крайне нужны были для взятия турецких придунайских укреплений, и, в первую очередь, Измаила. В конце сентября Ушаков и командующий флотилией генерал-майор де-Рибас получили ордера Потемкина о проведении совместной операции.

Однако из Севастополя флот, вместо обещанного Ушаковым 8 октября, вышел, задержанный встречными ветрами, только спустя восемь дней. Потемкин видя, что флот не идет в море, ордерами от 11 октября приказал де-Рибасу двигаться к Дунаю самостоятельно. Когда, наконец, флот подошел к устью, уже последние суда флотилии втягивались в Килийское гирло. Ушаков, не выполнив приказа Потемкина, пытался все же создать впечатление своего активного участия в действиях флотилии. Он пишет Потемкину несколько донесений, а также просит де-Рибаса замолвить за него слово перед светлейшим: "Когда будете писать реляцию о ваших действиях, желал бы я, чтоб упомянули о флоте, что вы под прикрытием оногo в разсуждении неприятельского флота ...совершенно обеспечены; желание мое для того, чтоб после бывших дел видно было, что мы не стоим в гаванях"²⁵. Ушаков обещает де-Рибасу любую помощь. Однако когда де-Рибас попросил Ушакова помочь гребными судами, корабельными солдатами и присылкой нескольких морских офицеров, контр-адмирал, сославшись на их нехватку на флоте, отказал.

Оба командующих стали после этого врагами. "Я не ожидал никак со стороны вашей так мало уважения, и что вы, поспешая донести его светлости о происшествиях на Дунае, лишили флотилию той славы, которую она заслужила своим подвигом без малейшего вспомоществования вашего флота, - высказывал свое негодование де-Рибас в письме от 28 октября, копию которого он отправил Потемкину. - И так как вы мне дали полный случай, что пренебрегаете мою дружбу, то мы остаемся между собою врозь". Ушаков в этот же день отправляет письмо Потемкину, с обвинениями в адрес де-Рибаса и других "недоброхотов" из гребной флотилии. Светлейший, верный своей практике не вмешиваться в подобные конфликты, ответил Ушакову: "Я люблю отдавать справедливость. Никто у меня, конечно, ни белого очернить, ни черного обелить не в состоянии и приобретение всякого от меня добра и уважения зависит единственно от прямых заслуг"²⁶.

В декабре русская армия взяла штурмом Измаил. Вклад гребной флотилии в овладении этой твердыней был очень значительным. Флотилия была преобразована в Черноморский гребной флот. Теперь на Черном море имелось два флота и два командующих одинакового ранга. Такое положение грозило обострением конфронтации между Ушаковым и де-Рибасом, особенно в ситуации, когда Черноморское адмиралтейское правление возглавлял корабельный мастер С. И. Афанасьев, имевший чин бригадира. Потемкин решил внести изменения в управление Черноморским ведомством. Ушаков был срочно вызван в Яссы. Здесь светлейший 11 января 1791 г. подписал распоряжение, которым Ушаков назначался старшим членом адмиралтейского правления, оставаясь при этом командующим корабельным флотом. При этом Ушаков не переводился в Херсон, а остался в Севастополе. С этим назначением Ушаков занял высшую административную должность в Черноморском ведомстве и формально мог чрез правление распоряжаться также и гребным флотом. Посетив на обратном пути из Ясс Николаев и Херсон, где в соответствии со своими новыми обязанностями ознакомился с работой адмиралтейств, осмотрев строящиеся там корабли, Ушаков в конце февраля возвратился в Севастополь, чтобы взяться за подготовку флота к летней кампании.

Ставя превыше всего долг и дисциплину, Ушаков постоянно вступал в конфликты с нерадивыми или неисполнительными офицерами. В марте это был капитан 1-го ранга А. Г. Баранов, в апреле - капитан 2-го ранга Д. Н. Сенявин. Будущий знаменитый адмирал являлся командиром фрегата "Навархия", на который он, кстати, был назначен Потемкиным, и одновременно числился при штабе светлейшего в должности генеральс-адъютанта. Истоки недоброжелательства в отношениях Ушакова

и Сенявина относятся, скорей всего, еще ко времени службы последнего флаг-офицером при Войновиче.

Сенявин, который, подобно другим командирам, должен был в соответствии с распоряжением Ушакова выделить из состава своего экипажа несколько служителей "в своем звании исправных, здоровых и способных к исполнению должностей", для отправки в Херсон на новые корабли, в числе прочих выделил для этого трех больных. Повторный же приказ Ушакова заменить больных здоровыми выполнить отказался. Командующий приказом по флоту объявил Сенявину выговор, а тот со своей стороны подал по команде прошение на имя Потемкина с жалобой на Ушакова. Реакцией последнего явился очередной приказ по флоту, на что Сенявин ответил отправкой жалобы светлейшему. Ушаков, узнав об этом, отослал Потемкину личное письмо с просьбой "повелеть строго исследовать справедливость дела" и защитить его от наветов, подчеркнув, что "недоброжелательства ко мне не чрез одно здешнее место клонятся, большей частью происходят они из Херсона, напоследок и от гробного флота"²⁷. Но Потемкин в это время находился в Петербурге.

Когда в конце июня 1771 г. турецкий флот появился у берегов Крыма, севастопольская эскадра уже стояла на рейде, практически готовая к походу. В море Ушаков вышел 10 июля, осуществляя плавание к Керченскому проливу. Встретившись, противники несколько раз сближались, но турки всякий раз уклонялись от сражения, отойдя, в конце концов, к румелийским берегам. Ушаковская же эскадра вернулась в Севастополь для исправления полученных в бурном море повреждений.

Вторично Черноморский флот вышел в море 29 июля, но теперь его курс лежал на запад, где по предположениям Ушакова, должны были находиться турки. 31 июля с русских кораблей увидели турецкий флот, стоящий под прикрытием мыса Калиакра. Турки, ошеломленные внезапным появлением русской эскадры, стали в спешке сниматься с якоря. Воспользовавшись их замешательством, Ушаков, перестроив походный порядок в линию баталии, атаковал противника. Состоялось знаменитое сражение при Калиакре, принесшее турецкому флоту очередное и, пожалуй, самое крупное, поражение. Турецкие адмиралы так и не сумели организовать серьезное сопротивление, и их флот бежал к югу, преследуемый российскими кораблями. Только опустившаяся ночь заставила Ушакова дать сигнал о прекращении погони. Исправив наскоро за три дня повреждения, Ушаков повел эскадру к Варне, где по сведениям разведчиков находилась часть турецких сил. Однако 8 августа адмирал получил повеление о прекращении военных действий в связи с подписанным 31 июля перемирием. Говоря о впечатлении, какое произвело на султана возвращение его судов от Калиакры, Екатерина II писала: "Испуганный при виде своих кораблей, лишенных мачт и совершенно разбитых, и экипажа, среди которых много убитых и раненых, он тотчас же отдал приказ кончать возможно скорее, и даже сами турки говорили, что его высочество, заносившееся двадцать четыре часа тому назад, стал мягок и сговорчив, как теленок". Наградой Ушакову за Калиакру стал орден св. Александра Невского и 200 душ крестьян в Тамбовской губернии.

Флот возвратился в Севастополь 20 августа. Спустя неделю Ушаков получил приказ Потемкина отправить к нему капитана 2-го ранга Д. Н. Сенявина, отстранив его от должности командира фрегата. Еще через несколько дней курьер доставил ордер с предписанием явиться в ставку теперь уже самому Ушакову. Для скорейшего прибытия адмирала Потемкин распорядился приготовить по тракту от Очакова до Бендер по десяти лошадей на каждой станции. В Яссах Ушаков встретил теплый прием у светлейшего. Главной темой их бесед являлись проблемы подготовки флота к возможному возобновлению военных действий.

Попутно решался вопрос о дальнейшей службе Сенявина, содержавшегося в кордегардии под арестом. За неподчинение командующему в военное время ему грозил суд, на чем настаивал Потемкин. Ушаков считал такое наказание слишком суровым. По его мнению, нахождение под арестом и сама угроза военного суда являлись хорошим уроком молодому офицеру. Благородная

позиция Ушакова в отношении Сенявина импонировала князю: "Ваше о нем ходатайство из-за уважения к заслугам вашим удовлетворяю я великодушную о нем просьбу и препровождаю здесь снятую с него шпагу, которую можете возратить, когда заблагорассудите"²⁸. Ушаков вернул шпагу Сенявину и, распрощавшись с Потемкиным, отбыл через Херсон в Севастополь. Сенявин же, не имея должности в корабельном флоте, был определен в гребной и отправлен в Галац, где базировались суда Дунайской флотилии.

5 октября 1791 г. по пути из Ясс в Николаев скончался Потемкин. Отношение к Ушакову в Главной квартире сразу же изменилось. "Я довольно уже чувствую, предвидя, сколь много я потерял, лишившись истинного моего покровителя и милостивца", - с горечью отмечал он в письме от 9 ноября. Указом Екатерины II Южная армия и Черноморский флот были на время переданы под начальство генерал-аншефа М. В. Каховского. Спустя несколько месяцев неопределенность в руководстве Черноморским ведомством закончилась: 24 февраля 1792 г. императрица пожаловала находившегося не у дел Мордвинова в вице-адмиралы и назначила председателем Черноморского адмиралтейского правления. Ушаков же остался командующим флотом.

В первую послевоенную кампанию флот в море не выходил. В течение четырех военных лет все заботы были обращены прежде всего на флот; береговые сооружения и постройки возводились только при крайней необходимости и на скорую руку. Теперь, по окончании войны, значительно возросшая численность судов и служителей морского ведомства обусловили острую потребность в казармах, госпиталях, магазинах и т. п. Поэтому практически весь 1792 год Ушаков занимался обустройством главной базы флота. Из-за скудости отпускаемых денежных средств строительство велось почти исключительно силами судовых команд и адмиралтейских мастеровых. Тем не менее, успехи были заметными. Наряду с казенным строительством, Ушаков занимался благоустройством и упорядочением жилой застройки Севастополя²⁹.

Много внимания уделял Ушаков поддержанию воинского порядка в подкомандных ему частях. Падению дисциплины способствовало нахождение служителей при береговых работах, отсутствие жесткого судового распорядка дня, тесные контакты с городскими жителями и возможность приобретения спиртных напитков, зачастую в обмен на казенное имущество. Пьянство, драки, карточные игры, самовольные отлучки, побег стали едва ли не повседневным явлением. Многочисленные дисциплинарные приказы Ушакова пестрят выражениями: "наказать при команде по рассмотрению", "наказать жестоко при разводе фрунта", "наказать нещадно кошками", "наказать шпицрутенами". Вместе с тем, Ушаков делал все, чтобы сократить число больных и умерших, сохранить здоровье служителей, видя в здоровых и бодрых экипажах залог боевых успехов флота.

В декабре 1792 г. Ушаков получил разрешение императрицы на четырехмесячный отпуск для поездки в Петербург. В середине января он прибыл в столицу. Оттуда не преминули сообщить Мордвинову: "Федор Федорович дней десять как сюда приехал и много говорит о своих заслугах". За короткое время адмирала пять раз приглашают в Зимний дворец на званые обеды к Екатерине II, где обычно присутствуют члены императорской фамилии и узкий круг высших сановников, военачальников, дипломатов. В апреле Ушаков возвратился в Севастополь. Эскадра в кампанию 1793 г. опять не выходила в море, и командующий продолжал заниматься береговым строительством. Этот год ознаменовался для него дальнейшим продвижением по служебной лестнице: 2 сентября Ушаков был пожалован в вице-адмиралы. Зимние месяцы, когда флот стоял на приколе, проходили в Севастополе, если говорить об офицерской среде, не скучно: был организован театр, устраивались маскарады, и, как вспоминает современник, "Ушаков давал балы"³⁰.

Начало 1794 г. ознаменовалось "угрожением войною со стороны вероломной Порты Оттоманской". Ушаков занимается исправлением, вооружением и оснасткой уже более двух лет не выходившего в море флота. Трудности в подготовке кораблей усугублялись плохим его самочувствием. Он вынужден просить Мордвинова приказать доктору Мотике, который пользовал Ушакова и по своим

делам находился в Херсоне, немедленно отправиться в Севастополь, "ибо я по худости моего здоровья крайнюю надобность в нем имею"³¹. В общем, Ушаков не был здоровым человеком: упоминания в документах о его болезненном состоянии встречаются довольно регулярно начиная с 1784 г., когда он страдал "частыми припадками".

Тревога в отношении враждебных действий Турции оказалась несостоятельной, и эскадра вышла в море для обычных практических плаваний. Почти два месяца день за днем шла напряженная учеба, восстановление утраченных за три года навыков движения кораблей в различных порядках, уборки и постановки парусов, аварийной смены рангоута, пушечные и ружейные учения. Неправильно или не вовремя выполненный маневр или поставленный парус, несоблюдение дистанции в строю или задержка с исполнением сигнала, - ничто не ускользало от всевидящего ока адмирала и не оставалось без последствий для командиров кораблей.

К весне 1795 г. российско-турецкие отношения вновь вошли в мирное русло. В связи с этим Мордвинову было приказано "вооружить и выслать в море елико возможно менее и только то число, которое признаете вы необходимо нужным для экзерциции". Небольшая эскадра под флагом вице-адмирала Ушакова вышла в море в начале июня "для практики и обучения флотских офицеров и служителей". Плавание было недолгим, и вскоре корабли бросили якоря на рейде Северной бухты Севастополя.

В конце года Мордвинов уехал на всю зиму в Петербург, поручив руководство Черноморским ведомством адмиралтейскому правлению. Ушаков оказался в унижительной для него ситуации, когда он, вице-адмирал и командующий флотом, вынужден был подчиняться членам правления, имевшим более низкие чины, но отдававшим распоряжения в форме обязательных к исполнению указов правления. В последнем на ключевых постах имелось немало недоброжелателей Ушакова, пользовавшихся должностными возможностями для мелочных придинок и уколов самолюбия адмирала. С приездом в 1792 г. Мордвинова на Черное море возле него сплотился круг лиц, главным образом из береговой администрации и ряда флотских офицеров, не благоволивших по личным причинам к Ушакову. К ним, в частности, относился и Д. П. Сенявин. Его первый биограф отмечал, что "по смерти князя Потемкина, Дмитрий Николаевич нашел ревностного покровителя в лице Мордвинова".

В кампанию 1796 г. Ушаков, как обычно, возглавил практическую эскадру и ушел в учебное плавание в северо-западную часть Черного моря, "имея при том в виду охранение берегов между Севастополем и Одессою". По возвращении в главную базу Ушаков отправился в Херсон, Николаев и Глубокую Пристань "для вспоможения в надобностях приуготовляющемся к выходу оттолть трем новым кораблям, дабы их непременно в самой скорости привести в Севастополь в соединение к флоту"³². Речь шла о построенном в Николаеве 90-пушечном "Св. Павле" и сооруженных в Херсоне 74-пушечных "Св. Петре" и "Святых Захарии и Елисавете".

"Св. Петр", которым командовал Сенявин, и "Святые Захарий и Елисавета", где командиром являлся близкий к Ушакову капитан 1-го ранга И. И. Ознобишин, были спроектированы и построены талантливым корабельным мастером А. С. Катасановым. Суда имели конструктивное новшество - сплошную верхнюю палубу. Появление этих судов в октябре 1796 г. в Севастополе разделило флотскую среду на два лагеря - противников и сторонников указанного новшества, нарушив почти на два года нормальное течение флотской жизни и обострив до предела отношения между Ушаковым и Черноморским правлением во главе с Мордвиновым. В конфликт оказался втянутым широкий круг лиц, вплоть до императора Павла I, вступившего на российский трон в ноябре 1796 года.

Ушаков и поначалу многие из его капитанов-сподвижников по прошедшей войне встретили в штыки внедренное при поддержке Мордвинова усовершенствование. Спор о достоинствах и недостатках новых кораблей вскоре перешел во взаимные обвинения адмиралов в подтасовке фактов и давлении

на подчиненных. Спор осложнялся тем, что капитаны этих двух совершенно одинаковых кораблей давали им противоположные оценки: Сенявин - положительную, а Ознобишин - отрицательную. Воцарение Павла I, сопровождавшееся ликвидацией самостоятельности Черноморского правления, придало Ушакову надежду найти поддержку со стороны Адмиралтейской коллегии, ряд членов которой неприязненно относились к Мордвинову. Ушаков пишет в коллегию и на имя царя жалобы на предвзятое к нему отношение и гонения со стороны администрации Черноморского ведомства, считая, что "они ничто иное есть, как продолжающееся ко мне неприятство и политическое притеснение вице-адмиралом Н. С. Мордвиновым"³³. Он также обращается несколько раз в коллегию и к Павлу I за разрешением на проезд в Петербург для личного свидания с императором: "Беспредельная крайность состояния моего понуждает искать по команде, чрез кого надлежит высочайшую защиту, милость и покровительство".

Однако в Петербург в январе 1797 г. поехал Мордвинов, формально вызванный для отчета о деятельности Черноморского ведомства, а на самом деле - для дачи показаний комиссии, проводившей на основании доноса следствие о злоупотреблениях в экспедиции строения порта в Одессе. Ушакову же было предписано исполнять должность председателя правления. Адмирал, ссылаясь на нездоровье, продолжал оставаться в Севастополе, и в Николаев, где с 1794 г. размещалось правление, прибыл только 2 марта. На следующий день туда возвратился Мордвинов, сумевший доказать суду свою невиновность. Ушаков же сразу вернулся в Севастополь, где занялся подготовкой эскадры к кампании.

Летние 1797 г. практические плавания эскадры прошли, в соответствии с указанием Павла I, под знаком многообразных сравнительных испытаний традиционных и катасановских кораблей. Ушаков старался собрать доказательства для подтверждения своего отрицательного мнения в отношении новых 74-пушечных кораблей.

Известие о подготовке оттоманского флота к раннему выходу в Черное море, полученное в Петербурге в начале 1798 г., насторожило Павла I. Хотя официальная причина, называвшаяся турецким правительством, состояла в усмирении мятежных придунайских пашей, и ничто пока не указывало на ухудшение отношения Турции к России, подозрительный император не исключал возможность внезапной перемены намерений Порты и нападения при поддержке или под давлением Франции на черноморские владения России. Обеспокоенность Павла I усилилась, когда стали поступать сведения о начавшейся в марте в средиземноморских портах широкомасштабной подготовке французского флота и высадочных средств для какой-то секретной экспедиции, возглавить которую Директория поручила Бонапарту. Уже только это свидетельствовало о серьезности планируемой операции.

Указом от 9 апреля Павел предписал Ушакову выйти с линейным флотом в море для крейсерования между Севастополем и Одессою. Затем последовал новый рескрипт императора, которым Ушакову приказывалось дать, по возможности, решительное сражение французской эскадре, если она "покусится войти в Черное море". При этом Павел подчеркивал: "Мы надеемся на ваше мужество, храбрость и искусство, что честь нашего флага соблюдена будет"³⁴. Столь лестная оценка была для Ушакова как нельзя кстати после царского выговора, полученного неделю назад за вмешательство в дела, лежащие вне сферы его служебных обязанностей. "Буде сие еще от вас учинено будет, то строго от вас взыщется", - предупреждал Павел I. Такое же предупреждение получил и П. С. Мордвинов. Гнев царя был вызван очередным столкновением между адмиралами.

Результаты испытаний 74-пушечных кораблей, полученные Ушаковым в кампанию 1797 г., он отправил в коллегию, представив одновременно дубликаты Павлу I. Коллегия обязала рассмотреть их петербургским корабельным мастерам. Хотя ведущие кораблестроители и признали введенное Катасановым новшество полезным, коллегия все же не сочла возможным игнорировать протесты Ушакова и решила вернуться к прежней конструкции кораблей. Несмотря на это Мордвинов,

стремясь доказать свою правоту, властью главного командира провел весной 1798 г. новые испытания. Комиссия в выводах отметила, что "в остойчивости корабли не токмо чтоб имели недостаток, но даже имеют преимущество перед прочими". Ушаков, единственный из членов комиссии не подписавший это заключение, подал на имя Павла! очередную жалобу на Мордвинова. Выведенный из себя император распорядился "о удобности кораблей сих сделать единожды заключение и впредь о сем более не представлять", указав в отношении Ушакова, что "протесты ...со стороны вице-адмирала неосновательны по каким-либо личным ссорам; то дабы подобных чему представлений не могло последовать впредь, подтвердить с тем, чтобы всякая личность была отброшена, где дело идет о пользе службы"³⁵.

Неуступчивая позиция Ушакова в споре о кораблях со сплошной верхней палубой надолго задержала введение в отечественном флоте этого прогрессивного новшества. При этом трудно заподозрить адмирала Ушакова в консерватизме.

Конец столкновениям с Мордвиновым и черноморской администрацией, спорам о качествах 74-пушечных кораблей и прочим большим и мелким обидам и ссорам положило прибытие 4 августа в Севастополь столичного курьера с именованным секретным императорским указом Ушакову о немедленном выходе эскадры в Константинополь для совместных действий с турецким флотом против Франции. Работа по подготовке к походу велась днем и ночью, и уже 13 августа 1798 г. шесть линейных кораблей, семь фрегатов и три посыльных судна, ядро Черноморского флота, оставили за кормой крымский берег.

Поход выдался тяжелым: шторм нанес многочисленные повреждения судам. Один корабль и посыльное судно пришлось вернуть с половины пути в Севастополь. Только 23 августа эскадра пришла к Босфору. На следующий день, получив официальное подтверждение Порты о свободном пропуске российских военных судов через проливы, корабли под орудийный грохот салюта турецких батарей вошли в Босфор.

Официальный Стамбул встретил Ушакова золотой с бриллиантами табакеркой в качестве награды за скорое прибытие. Адмирал съехал на берег и поселился в резиденции российского посланника В. С. Томары. Пока суда эскадры устраняли повреждения, Ушаков знакомился с состоянием турецкого флота, участвовал в совещаниях с высшими чиновниками Порты, российским и английским посланниками, обговаривая стратегические задачи совместных действий военно-морских сил, уточняя организационные, финансовые и другие вопросы. Достигнутое соглашение предусматривало занятие соединенным флотом захваченных Францией Ионических островов, охрану берегов турецких владений и содействие английскому флоту у побережья Египта. Общее руководство русско-турецким флотом было возложено на Ушакова.

По завершении переговоров российская эскадра оставила Константинополь и, прибыв 8 сентября в Дарданелльский пролив, соединилась там с турецким отрядом из четырех линейных кораблей, шести фрегатов, трех корветов и 14-ти канонерских лодок, которым командовал вице-адмирал Кадыр-бей. Соединенный флот проследовал в Архипелаг и приступил к освобождению Ионических островов, начав операцию с овладения лежащим первым в цепочке острова Цериги. Ионическое население, состоявшее преимущественно из греков, среди которых имелось довольно много лиц, сражавшихся на стороне России в первую и вторую русско-турецкие войны, с надеждой и нетерпением ожидало своих освободителей, готовое оказать им всемерную помощь.

Совместные действия русско-турецкого десанта, установленных на берегу батарей и угроза штурма заставили французский гарнизон спустить флаг главной опорной точки острова крепости Капсали. Павел I щедро награждал черноморцев: Ушаков получил бриллиантовые знаки ордена св. Александра, все представленные им к награждению офицеры - ордена, и все 300 нижних чинов, участвовавших в десанте, - знаки ордена св. Анны.

Затем последовало освобождение островов Занте, Кефаллонии и Св. Мавры. За взятие Занте Ушаков был награжден большим командорским крестом ордена св. Иоанна Иерусалимского с полагающейся при этом пожизненной ежегодной орденской пенсией в 2 тыс. рублей. Обеспечив таким образом безопасность тыла и коммуникаций с Константинополем и портами Черного моря, Ушаков мог вплотную заняться самым крепким орешком - городом-крепостью Корфу на одноименном острове. Ее гарнизон в 3700 человек располагал почти 650 орудиями и имел запас продовольствия на несколько месяцев. С морского направления крепость прикрывал надежно укрепленный скалистый остров Видо, со стороны суши - три форта. В проливе между Видо и Корфу стояли два французских линейных корабля - "Женеро" и "Леандр", фрегат и более десятка мелких судов. Взятие этой твердыни штурмом возможно было только с суши, для чего требовалось порядка 10 тыс. солдат. Ушаков же при довольно мощном флоте, (по данным января 1799 г. - 12 линейных кораблей и 11 фрегатов)³⁶ располагал несравненно меньшим количеством людей, которых он мог выделить для этой цели из экипажей русских и турецких судов. Ионическое ополчение не представляло собой серьезной военной силы, и до прибытия турецких войск Ушакову оставалось только блокировать крепость для пресечения доставки осажденному гарнизону подкрепления и продовольствия.

После сокрушительного поражения французского флота при Абукире союзные военно-морские силы, основу которых составляла английская эскадра, стали фактическими хозяевами Средиземного моря. Поэтому падение оставшейся без помощи извне и заблокированной Ушаковым крепости Корфу являлось, в общем, вопросом времени. Командование крепости, видимо, понимало это, подтверждением чему является уход "Женеро" с двумя мелкими судами в Анкону. Ночью 26 января французский корабль, воспользовавшись благоприятным ветром и вычернив для скрытности паруса, сумел практически безнаказанно прорваться сквозь двойную блокадную линию русских и турецких судов, и, пользуясь преимуществом в скорости хода, уйти от посланной Ушаковым погони. Каковы бы ни были объективные причины и кто бы ни был конкретным виновником допущенной оплошности, ответственность за этот инцидент ложилась на командующего флотом. Теперь только скорая и впечатляющая победа могла сгладить негативное впечатление от побега "Женеро", уже считавшегося верной добычей союзного флота, и оправдать Ушакова перед Петербургом. Страшился султанского гнева и Кадыр-бей. Адмиралы решили захватить, не откладывая, Видо наличными силами. О штурме собственно Корфу пока речь не шла, поскольку прибывшие на остров 4 тыс. человек албанского воинства не имели амуниции, провианта, требовали жалованья и были практически неуправляемы.

Утром 18 февраля к острову Видо подошла русская эскадра. Став на якоря на дистанции картечного выстрела от берега и оборотясь бортами к французским батареям и укреплениям, линейные корабли и фрегаты открыли интенсивный огонь. Турецкая эскадра расположилась мористее второй линией, и ее корабли стреляли в промежутки между русскими судами. К 11 час., когда все пять батарей противника были подавлены, началась высадка русско-турецкого десанта. Несмотря на упорное сопротивление французов, к 14 час. Видо был взят. Тем временем сухопутные части под прикрытием огня осадных батарей предприняли, с целью отвлечения неприятеля от Видо, штурм предкрепостных укреплений Корфу. И здесь был достигнут успех: после трехчасовой бомбардировки противник оставил ключевой форт Сальвадор и отступил во внутреннюю крепость. Безднажность положения Корфу побудила ее командование уже на следующий день начать переговоры о сдаче. 20 февраля на борту флагманского "Св. Павла" состоялось подписание капитуляции.

Штурм крепости Корфу стал классическим образцом успешного взаимодействия корабельной артиллерии и десантных войск. Главная тяжесть блокады, а затем и сражения за Корфу лежала на русской эскадре; турецкий флот играл роль, скорей, статистов и использовался, в лучшем случае, для выполнения второстепенных задач. Значимость достигнутого успеха выглядит еще весомее, если учесть постоянно испытываемую эскадрой нехватку продовольствия, осадных орудий, амуниции, сухопутных войск, необходимость выделения кораблей для проведения крейсерских операций, плохое техническое состояние судов³⁷.

Об уходе "Женеро" Ушаков рискнул доложить царю только спустя неделю после капитуляции Корфу. Известие о потере верного трофея - 74-пушечного линейного корабля, а в еще большей мере - сопутствующие этому обстоятельства вызвали понятное неудовольствие императора. Как результат Павел I оставил без последствий обширный список представленных Ушаковым к награждению флотских и армейских офицеров. Высочайшей милости удостоились трое: Ушаков, произведенный в адмиралы, П. В. Пустошкин и Кадыр-бей.

Пока длилась блокада Корфу, Ушаков не хотел, да, собственно, и не мог отвлекать флотские силы на выполнение других оперативных задач. Требования же о выделении кораблей неоднократно поступали от союзников России по антифранцузской коалиции. Так, российский посланник при Неаполитанском дворе от имени короля сообщил Ушакову, что "его величество со всевозможным домогательством просит вас о оказании ему помощи", имея в виду прикрытие флотом берегов Сицилии и защиту Мессины. Англичане, со своей стороны, требовали от Ушакова отделения судов для содействия в блокаде Египта, оказания им помощи у Мальты, прикрытия берегов острова Крит. Освободив Ионические острова, Ушаков должен был обратиться к решению других неотложных задач, важнейшими из которых являлись организация структуры гражданского управления на островах и подготовка флота к оказанию военной помощи Неаполитанскому королевству, что адмирал считал первоочередной задачей.

С завершением военных действий ослабло влияние патриотической идеи, объединявшей дотоле население Ионических островов в борьбе за освобождение от французского господства. Противоречия между традиционно правившей дворянской верхушкой и вкусившей плодов "якобинской" свободы местной буржуазией и крестьянством, внесших основной вклад в дело освобождения, резко обострились, поставя ионическое население на грань гражданской войны. В этой ситуации главной задачей адмирала стало обеспечение социально-политической стабильности на островах, которые для него, как командующего флотом, представляли ценность, в первую очередь, в качестве устойчивой операционной базы. Ушаков вынужден был вплотную заниматься вопросами организации местного и центрального управления, избирая такие его компромиссные формы, которые хоть в какой-то степени удовлетворяли бы противоборствующие общественно-политические силы. Созданный Ушаковым комитет, активно сотрудничая с передовыми представителями дворянства, разработал статус ионического выборного правления - так называемый "Временный план об учреждении правления", утвержденный Ушаковым. План отражал общие принципы политики адмирала, направленной на умиротворение и смягчение противоречий в ионическом обществе в стратегических интересах России на Средиземном море.

Ремонт судов эскадры грозил затянуться надолго, и Ушаков по настоятельным просьбам неаполитанского и австрийского дворов отправил в апреле в Адриатическое море два отряда судов. Первый должен был содействовать в восстановлении королевской власти в прибрежных городах Южной Италии, второй - обеспечить блокаду захваченной французами Анконы и охрану австрийских судов, занятых перевозкой провианта. Вскоре адмирал получил императорский рескрипт, содержание которого он истолковал как подтверждение правильности предпринятых им шагов и "доверенность, что могу я предпринимать и исполнять по случаям обстоятельств, какие есть настоящие и вновь окажутся"²⁸.

Закончив с большими трудностями к середине лета самые неотложные работы по исправлению судов и отозвав из Адриатики оба находившихся там отряда, Ушаков с соединенным флотом перешел в Палермо, намереваясь совместно с эскадрой Г. Нельсона отправиться затем к Мальте для овладения этой крепостью. Однако англичане, опасаясь утверждения России в этом ключевом пункте Средиземноморья, отказались от совместной операции, и Ушаков по настоянию неаполитанского двора отправился со своею эскадрой в Неаполь для утверждения там королевской власти и содействия в освобождении Римской области от французов. В Палермо Ушаков распрощался с Кадыр-беем.

Основной состав российской эскадры находился в Неаполе, когда Ушаков в конце октября вновь получил предложение Нельсона принять участие во взятии Мальты. Спустя два месяца, ушедших на подготовку, эскадра Ушакова направилась к Мальте. По пути эскадра зашла в Мессину, где адмирала ожидал пакет с рескриптом Павла I о возвращении флота на Черное море. Поход к Мальте был прерван. Срочно разослав ордера командирам отдельных отрядов о соединении с основными силами, адмирал отплыл на Корфу, где был назначен сборный пункт.

Эскадра находилась в Корфу, когда в марте 1800 г. вновь встал вопрос о российском участии в боевых действиях против Мальты. Через посланника в Палермо Ушаков получил присланную из Петербурга инструкцию о размещении русских войск, наряду с английскими и неаполитанскими, на Мальте после ее захвата. Однако при этом высочайшего повеления об отмене приказа о возвращении на родину или рескрипта об отправлении к Мальте адмирал не получил. Посчитав, что указ задерживается в пути, он решил готовить эскадру к походу к Мальте.

Между тем военно-политическая обстановка в Северной Италии резко изменилась. В июне австрийская армия потерпела крупное поражение, и Вена вынуждена была заключить перемирие на выгодных для Франции условиях. Неаполитанский двор впал в смятение. Правительство королевства обратилось к Ушакову с просьбой о помощи войсками и кораблями. Адмирал дал обнадеживающий ответ, хотя не знал, сможет ли он это выполнить. С одной стороны, продолжал действовать указ о возвращении, с другой, - войска должны были участвовать в боях за Мальту, а теперь еще и требование о помощи в защите Неаполитанского королевства. При всем этом большая часть российских кораблей уже не в состоянии была выдержать сколько-нибудь серьезного плавания. Ушаков оказался в исключительно сложной ситуации. Обращение за разъяснениями в Петербург мало что могло дать - ответ в лучшем случае мог поступить через два-три месяца. Следовало на что-то решиться. Адмирал в соответствии с Морским уставом, собрал военный совет, на котором было решено незамедлительно возвращаться в черноморские порты, как это предписывалось прежним высочайшим повелением. Впереди был опасный переход на обветшалых кораблях, с чиненым-перечиненым такелажем, латаными парусами, практически без провианта. Уповать приходилось лишь на благоприятное для плавания летнее время.

Большая часть населения Ионических островов с сожалением расставалась с российскими моряками и особенно Ушаковым, воплотившем в себе их надежды на государственную самостоятельность и ставшего олицетворением бескорыстной помощи единой России. Сенат Ионической республики тожественно заявил, что население островов "единогласно возглашает Ушакова отцом своим". Корфу преподнес адмиралу в качестве памятного подарка украшенную алмазами шпагу, Занте - серебряный щит и золотую шпагу, Кефаллония - золотую медаль с портретом Ушакова и благодарственной надписью, Итака - золотую медаль.

В начале июля российская эскадра покинула Корфу и после долгого, почти двухмесячного, плавания пришла в Босфорский пролив. Константинополь с почестями встретил Ушакова: султан в знак признательности наградил адмирала алмазным челенгом и подарил ему пять медных пушек. Исправление кораблей, получение провианта и противные ветры задержали эскадру в проливе. Только 26 октября корабли после более чем двухлетнего похода вновь бросили якоря на севастопольском рейде. Уже здесь Ушаков получил присланную через Петербург высшую награду Неаполитанского королевства - орден св. Яну ария 1-ой степени - в сопровождении высочайшего соизволения принять ее.

За время отсутствия Ушакова в руководстве Черноморским ведомством произошли изменения: впавший в немилость Мордвинов был отставлен от службы, и теперь главным командиром Черноморских флотов и портов являлся адмирал В. П. фон Дезин, человек во всех отношениях весьма посредственный, но по старшинству стоявший выше Ушакова в списке флагманов.

В Севастополе Ушакова поглотила круговерть канцелярских дел: подготовка ведомостей на ремонт кораблей, составление финансового, материального и исторического отчетов по прошедшей кампании. Ушакову следовало также привести в порядок и свои запущенные за время отсутствия хозяйственные дела.

Ушаков, подобно Мордвинову, де-Рибасу, Войновичу и другим, в свое время получил по распоряжению Потемкина довольно значительные земельные наделы в Крыму - дачи Дуванкой и Кууш, общей площадью 8506 десятин³⁹. Осенью 1794 г. адмирал купил еще участок земли в 1462 дес., расположенный на Северной стороне с находящейся на нем татарской деревней Учкуй. К этому времени он продал в казну пожалованные ему Екатериной II деревни с крестьянами в Могилевской губ., оставив себе только 200 душ, полученных им на Тамбовщине. Со временем Ушаков построил в учкуйском имении каменный дом со службами, на реке Бель-бек - каменную мельницу со складами. Вдоль большой дороги, проходящей по его землям из Симферополя через селение Дуванкой к переправе через Северную бухту, адмирал соорудил несколько постоянных дворов, причем самый большой, с трактиром, - непосредственно у переправы. Здесь же, у бухты, он построил два больших каменных склада для хранения зерна и муки. Трактир Ушаков сдавал в аренду конторе питейных откупов с годовой оплатой в 1 тыс. руб.; складами пользовалась иногда безвозмездно, иногда - за небольшую плату Севастопольская портовая контора.

Земли ушаковских имений состояли в основном из "неудобий", пахотной земли было мало. Жители четырех расположенных на территории адмиральских дач татарских деревень продолжали традиционно пользоваться этими землями, "исправляя те повинности, какие прежним владельцам отбывали", то есть выплачивали десятину и отрабатывали на помещика соответствующее число дней в году. Значительный доход Ушакову приносил дубовый лес, который татары в счет повинности вырубали на его землях и доставляли в адмиралтейство. Цены за лес он назначал более низкие, чем другие поставщики. Так, в 1796 г. Ушаков поставил по контракту Севастопольской портовой конторе корабельного леса на 25 тыс. рублей. При этом имевшийся у них излишек вырубленного леса в 7 тыс. пуд. он передал адмиралтейству без оплаты, составлявшей 3,5 тыс. рублей.

Наступил март 1801 года. На российский престол взошел Александр I. Молодой император в числе первых шагов по преобразованию управления Морским ведомством назначил Мордвинова вице-президентом Адмиралтейств-коллегии и наметил кадровую перестановку флагманов с целью отстранения старых адмиралов от ключевых должностей. На место главного командира Черноморских флотов и портов Мордвинов и Александр I предполагали назначить адмирала И. И. де-Траверсе. Однако предварительно следовало решить вопрос о перемещении черноморских адмиралов: фон Дезина, и имевших по праву служебного старшинства формальное преимущество в определении на эту должность Ушакова и Войновича.

Слух о готовящейся смене руководства Черноморским ведомством стал известен Ушакову. Являясь первым претендентом на должность главного командира и будучи уверен, что вице-президент приложит все старания, чтобы воспрепятствовать таковому назначению, адмирал отправился в Петербург, надеясь найти поддержку у Александра I. Он еще не знает, что мнение последнего о нем ненамного отличается от мнения Мордвинова⁴⁰.

Впервые Ушаков и де-Траверсе встретились 5 января 1802 г. на воскресном приеме высших сановников в Зимнем дворце. Адмирал, если принять во внимание конфиденциальный характер переговоров Мордвинова с де-Траверсе, скорей всего, не знал о планируемом назначении последнего. По завершении официальной части приема, Ушаков в числе 12 гостей был приглашен на обед к императрице-матери. Это приглашение к Марии Федоровне, где за столом собирались заслуженные, но при молодом царе оказавшиеся не у дел вельможи, видимо, не было случайным. Адмиралу тем самым давали понять, что его время, как и время вдовствующей императрицы и

многих приближенных Павла I прошло, и теперь он принадлежит к почетному кругу отрешенных от серьезных государственных постов сановников, военачальников, дипломатов.

Ушаков продолжал находиться в Петербурге, ожидая решения своей судьбы. В начале апреля его даже пригласили на обед в узком кругу у императорской четы. Наконец, в мае неопределенность его положения закончилась: 21 мая император подписал приказ, которым фон Дезин определялся в сенаторы, Ушаков назначался главным командиром балтийского гребного флота, Войновичу предписывалось оставаться в должности директора черноморских училищ, а де-Траверсе назначался главным командиром Черноморского флота.

Приняв дела от отставленного от службы прежнего командующего гребным флотом адмирала Пуцина, Ушаков в середине лета отправился в инспекционную поездку в главную базу флота Роченсальм. Результатом поездки стала докладная записка с предложениями по реконструкции этого порта.

Осенью 1802 г. началось реформирование государственной административной системы. В числе прочих было образовано Министерство военных морских сил, во главе которого император поставил Мордвинова. Почти одновременно был учрежден Комитет образования флота, задачей которого являлась реорганизация Морского ведомства. Принятая руководством страны к действию континентальная доктрина закрепляла за флотом только оборонительные функции, отводя ему второстепенную роль в системе вооруженных сил России. Фактическое финансирование Морского ведомства было сокращено: корабли в основном стояли в гаванях, морская служба потеряла свою престижность.

Служебная деятельность Ушакова свелась, главным образом, к рутинной канцелярской работе. Немало времени отнимало составление бумаг по запросам комиссии, занимавшейся назначением призовых денег личному составу подкомандного ему в период Ионической кампании флота. Крупные суммы получил и сам Ушаков как командующий. Так, его доля только в стоимости захваченного французского судна с товарами составила свыше 30 тыс. руб.; 3 тыс. фунтов стерлингов он получил из суммы, выплаченной Англией за линейный корабль "Леандр". Часть денег - 20 тыс. руб. - он положил под проценты в сохраненную кассу Санкт-Петербургского опекунского совета. В общем, Ушаков являлся довольно обеспеченным человеком - только его годовое адмиральское жалованье и столовые деньги

составляли 7200 рублей. В столице Ушаков жил в собственном доме, находившимся в 4-ой части Измайловского полка и вел скромную холостяцкую жизнь, исключавшую какие-либо излишества⁴¹. Когда в 1806 г. среди дворянства был организован сбор средств в связи с войной с Францией, Ушаков пожертвовал 2 тыс. руб., пять пушек и алмазный челенг, подаренные ему султаном Селимом III. Александр I, зная о благородном поступке адмирала, предписал вернуть ему драгоценность, указав, "что сей знак сохранен должен быть в потомстве его памятником подвигов, на водах Средиземного моря оказанных". В декабре того же года Ушаков безвозмездно передал казне участок в 209 дес., своего учкуйского имения в связи с необходимостью обнесения Севастополя с суши оборонительными укреплениями.

После ухода Мордвинова с поста министра в отставку из-за его несогласия с проводимыми в Морском ведомстве реформами, Ушаков передвинулся на самую верхнюю ступеньку флотской иерархической лестницы. Теперь его имя стояло первым в списке адмиралов отечественного флота. Время от времени его, в соответствии с придворными церемониальными правилами, приглашали в числе других лиц 1-го и 2-го классов на торжественные приемы и званые обеды в царские дворцы: Зимний, Таврический, а летом - Петергофский. В 1804 г. таких приглашений было 10, в 1805 - 7. Однако служба не приносила удовлетворения. Не видя ни смысла в такой службе, ни перспектив, адмирал в декабре 1806 г. подал прошение об отставке, сославшись, что "при старости лег своих

отягощен телесною и душевною болезнию и опасается по слабости здоровья быть в тягость службе". Горечь и обида, звучавшие в прошении, побудили Александра I обратиться к Ушакову за разъяснениями. Адмирал откровенно ответил, что "по окончании знаменитой кампании, бывшей на Средиземном море,... замечаю в сравнении противу прочих лишенным себя высокомонарших милостей и милостивого возрения"⁴². Император этим удовольствовался - 17 января 1807 г. последовало высочайшее повеление: "Балтийского флота адмирал Ушаков по прошению за болезнью увольняется от службы с ношением мундира и с полным жалованьем". В июле 1807 г. Ушаков получил на руки указ Адмиралтейств-коллегий с изложением его служебных и боевых заслуг. Теперь уже ничто, кроме воспоминаний, не связывало заслуженного адмирала с флотом, беззаветному служению которому он отдал 46 лет.

Хотя большая часть земель и недвижимости Ушакова находились в Крыму, для жительства он избрал свое тамбовское имение - невыносимо тяжело было бы находиться в Севастополе будучи, практически, никем. Скромная усадьба в с. Алексеевка Темниковского уезда - каменный двухэтажный дом "монастырской архитектуры", кирпичная конюшня, деревянный каретный сарай, погреб с ледником, большой фруктовый сад, огород, - стала прибежищем последних десяти лет его жизни. По сведениям 1812 г. за ним числилось 118 крепостных душ мужского пола. Не имея своей семьи, он содержал живших при нем осиротевших двух племянников и племянницу⁴³.

Летом 1811 г. Ушаков в последний раз посетил любезный его сердцу Севастополь. Это была печальная поездка. Неумолимо приближалась смерть, и адмирал, не имея прямых наследников, решил избавиться от своей крымской собственности. Первым он продал дуванкойское имение; затем учуйское вместе с постоялым двором, трактиром и пятью крестьянскими семьями за 15 тыс. рублей. Продал Ушаков и свой севастопольский дом с флигелями, хозяйственными постройками и прочим, оставив в подарок новому владельцу свою реликвию - столик красного дерева, за которым в 1787 г. играли в ломбер Екатерина II и Иосиф II. Впоследствии дом откупило морское ведомство, и еще долгие годы он был известен как "дом Ушакова". Здесь никто не жил, и он, полностью меблированный, содержался на случай приезда именитых гостей. Часть вырученной суммы адмирал пожертвовал на храм. Деньги пошли на расширение соборной церкви св. Николая, построенной еще в 1783 г. за казенный счет контр-адмиралом Т. Маккензи. Здесь Ушаков прослушал сотни молебнов, в том числе и в честь побед Черноморского флота, где присягал на верность Павлу I и Александру I, подписывал присяжные листы при получении званий контр- и вице- адмирала. Благотворительную деятельность он продолжал и дома. Летом 1812 г. он пожертвовал 2 тыс. руб. для 1-го Тамбовского пехотного полка, в январе 1813 г. - 540 руб. на продовольствие для находившихся в Темникове военнотружущих, а в апреле - всю хранившуюся в С.- Петербургском опекуновском совете сумму с процентами - 31 тыс. руб. - в помощь пострадавшим от наполеоновского нашествия.

Летом 1812 г. тамбовское губернское дворянское собрание почти единодушно избрало Ушакова на должность начальника намеченного к формированию внутреннего губернского ополчения. Однако 68-летний адмирал вынужден был отклонить данное предложение: "Будучи ныне при совершенной старости лет, находясь в болезни и всегдашней, по летам моим, великой слабости здоровья, должности понести и в Тамбовское сословие дворянства явиться не могу"⁴⁴. Он прожил еще пять лет в тишине и забвении. О его кончине, последовавшей "от натуральной болезни" 2 октября 1817 г., в столице стало известно из краткого сообщения тамбовского корреспондента в газете "Северная почта". Мало кого взволновала эта печальная весть (ушли из жизни почти все: и близкие Ушакову сподвижники и бывшие недоброжелатели), разве что побудила воспоминания о черноморской службе у живших в столице и находившихся уже не у дел адмирала Н. С. Мордвинова и вице-адмирала Сенявина. В годы Великой Отечественной войны имя знаменитого русского флотоводца адмирала Ушакова было увековечено путем учреждения в марте 1944 г. ордена Ушакова и медали Ушакова для награждения наиболее отличившихся в боях за свободу и независимость Родины моряков.

Примечания

1. КОРГУЕВ Н.А. Обзор преобразований Морского кадетского корпуса с 1852г. СПб. 1897, с. 16-18.
2. Материалы для истории русского флота. Ч. 6. СПб. 1877, с. 260-268; Российский государственный архив военно-морского флота (РГАВМФ), ф. 870, оп. 1, д. 897.
3. Дневник путешествия в южную Россию академика С.- Петербургской Академии Паук Гильденштедта в 1773-1774г. Записки Одесского общества истории и древностей (300-ИД). Т. II. Одесса. 1879, с. 185; Материала для истории русского флота. Ч. 11. СПб. 1886, с. 498, 499.
4. РГАВМФ, ф. 212, оп. 4, д. 4, л. 212.
5. СКАЛОВСКИЙ Р. К. Жизнь адмирала Федора Федоровича Ушакова. СПб. 1856, с. 23
6. ДРУЖИНИНА Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир: Его подготовка и заключение. М. 1995.
7. Материалы для истории русского флота. Ч. 12. СПб. 1888, с. 356; КРОТКОВА. Русский флот в царствование императрицы Екатерины II с 1772 по 1783 год. СПб. 1889, с. 111, 365.
8. УШАКОВ Ф.Ф. Документы. Т.1. М. 1951, с. 25; ШИШКОВ А. С. Записки адмирала А. С. Шишкова, веденные им во время путешествия его из Кронштадта в Константинополь. СПб. 1834, с. 39.
9. РГАВМФ, ф. 172, оп. 1, д. 72, л. 33.
10. ИСТОРМИНА Э. Г. Водные пути России во второй половине XVIII - начале XIX века. М. 1982, с. 136.
11. РГАВМФ, ф. 212, оп. 7, д. 716, л. 306; д. 717, л. 104; д. 718, л. 111; ф. 172, оп. 1, д. 318, л. 136.
12. Материалы. Ч. 12, с. 635.
13. РГАВМФ, ф. 212, II отд., д. 168, л. 146.
14. Материалы. Ч. 12, с. 615.
15. Русская старина. Т. 16. 1876, с. 44.
16. РГАВМФ, ф. 172, оп. 1, д. 40, л. 113, 90, 169.
17. Материалы для истории русского флота. Ч. 15. СПб. 1895, с. 34.
18. ПОЛНОМОЧНЫЙ И. А. Род мой и происхождение. ЗООИБ. Т. 15. Одесса. 1889, с. 693.
19. РГАВМФ, ф. 245, оп. 1, д. 34, л. 552; Архив гр. Мордвиновых. Т. 1. СПб. 1901, с. 386; Материалы. Ч. 15, с. 63.
20. Записки командира корабля "Мария Магдалина" капитана Тизделя. - Морской сборник, 1863, N 10, прил.; Записки адмирала Д. Н. Сенявина. - Морской сборник, 1913, N 7, прил.; ПОЛНОМОЧНЫЙ И. А. Ук. соч., с. 696.

21. Материалы. Ч. 15, с. 55.
22. УШАКОВ Ф. Ф. Документы, т. 1, с. 63, 66, 73.
23. Там же, с. 118, 119, 177, 321.
24. ВИСКОВАТОВ А. Взгляд на военные действия россиян на Черном море и Дунае с 1787 по 1791 год. СПб. 1828, с. 39; СКАЛОВСКИЙ Р. К. Ук. соч., с. 92; Ордера князя Потемкина-Таврического. ЗООИД. Т. 4. Одесса. 1860, с. 371.
25. УШАКОВ Ф. Ф. Документы. Т. 1, с. 346, 391.
26. Материалы. Ч. 15, с. 357; Бумаги кн. Г. А. Потемкина-Таврического Сборник военно-исторических материалов. Вып. VIII. СПб. 1894, с. 185.
27. Материалы. Ч. 15, с. 384.
28. УШАКОВ Ф. Ф. Документы. Т. 1, с. 533; Материалы. Ч. 15, с. 406.
29. ГОЛОВАЧЕВ В. Ф. История Севастополя как русского порта. СПб. 1872, с. 189; История города-героя Севастополя (1783-1917). Киев. 1960, с. 48.
30. Архив гр. Мордвиновых, т. 1, с. 539; Камер-фурьерские церемониальные журналы за 1793 г. СПб. 1892; Жизнь моя. Записки адмирал Данилова, 1759-1806 гг. Кронштадт. 1913, с. 128.
31. УШАКОВ Ф. Ф. Документы. Т. 1, с. 602.
32. Архив гр. Мордвиновых. Т. 1, с. 256; АРЦИМОВИЧ А. Адмирал Дмитрий Николаевич Сенявин. - Морской сборник, 1885, N 4, с. 162; РГАВМФ, ф. 245, п. 1, д. 138, л. 81.
33. Материалы для истории русского флота. Ч. 16. СПб. 1902, с. 210.
34. ТАРЛЕ Е. В. Наполеон. М. 1957, с. 59; Материалы. Ч. 16, с. 239.
35. Архив гр. Мордвиновых. Т. 2, с. 350; Материалы. Ч. 16, с. 244-245.
36. ВЕСЕЛАГО Ф. Ф. Краткая история русского флота. СПб. 1893, с. 180.
37. ИСАКОВ И. С. Приморские крепости. Избранные труды. М. 1984, с. 331-334; Русские и советские моряки на Средиземном море. М. 1976, с. 74.
38. СТАНИСЛАВСКАЯ А. М. Россия и Греция в конце XVIII - начале XIX века. М. 1976, с. 59-62; ее же. Политическая деятельность Ф. Ф. Ушакова в Греции. М. 1983; УШАКОВ Ф. Ф. Документы. Т. 2. с. 502.
39. ТАРЛЕ Е. В. Адмирал Ушаков на Средиземном море (1798- 1800). Сочинения. Т. 10. М. 1959, с. 165; ЛАШКОВ Ф. Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения. Известия Таврической ученой архивной комиссии. Т. 24. Симферополь. 1896, с. 59; ДРУЖИНИНА Е. И. Северное Причерноморье в 1775-1800 гг. М. 1959, с. 120.
40. ЗООИД. Т. 12, с. 339; РГАВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 963, д. 189; ф. 25, оп. 1, д. 16, л. 15, 16.

- 41.** Материалы для истории русского флота. Ч. 17. СПб. 1904, с. 223; ШТОРМ Г. Страницы морской славы. М. 1954, с. 403.
- 42.** УШАКОВ Ф. Ф. Документы. Т. 3, с. 493; РГАВМФ, ф. 243; оп. 1, д. 963, л. 185; ф. 227, оп. 1, д. 132, л. 1; ф. 315, оп. 1. д. 602, л. 98.
- 43.** УШАКОВ Ф. Ф. Документы. Т. 3, с. 494; Морской сборник, 1992, N 4, с. 77; Флаг Родины, 1990, N 253.
- 44.** РГАВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 4862, л. 3; ЗАКРЕВСКИЙ Н. Севастополь. 1830-1831 год. - Морской сборник, 1861, N 9, неоф, отд., с. 17; Статистическое обозрение военнопортового города Севастополя за 1839 г. - Журнал Министерства внутренних дел, 1840, N 8, с. 249; УШАКОВ Ф. Ф. Документы. Т. 3, с. 501.
-

Библиотека пр. Театральный,46

- Зверев, Б.И. На Черном море [Текст] /Б.И.Зверев //Страницы военно-морской летописи России.- М.: Просвещение, 1992.-Гл.5.-С.101-128.**
- Золотарев, В.А. «Не мне слава, а народу нашему...» [Текст] /В.А.Золотарев, И.А.Козлов // Флотоводцы России.- М.: Терра, 1998.- Гл.4.-С.98-129.**
- Лубченков, И.О. Федор Федорович Ушаков [Текст] /И.О.Лубченков //Самые знаменитые полководцы России.- М.: ВЕЧЕ, 2002.-С.259-266.**
- Раш, К. Пролог [Текст] /К.Раш //Христос воскрес, матросы!.-М.:ООО «Офицерская корпорация», 2001.-С.10-14.**
- Раш, К. Святой адмирал Ушаков [Текст] /К.Раш //Христос воскрес, матросы!.- М.:ООО «Офицерская корпорация», 2001.-Гл.3.-С.24-38.**
- Скрицкий, Н.В. Ушаков Федор Федорович (1745-1817) [Текст] /Н.В.Скрицкий //Русские адмиралы.- М.: РИПОЛ классик, 2003.- С.403-406.**
- Успех новой тактики у мыса Калиакрия [Текст] //Детская военно-морская энциклопедия: От триеры до дредноута.-СПб.: ООО «Издательство «Полигон»; М.: ЗАО «Издательство «ОЛМА-ПРЕСС», 2002.- С.228-230.**

